

БАУРДЖАН МОМЫШ-УЛЫ

ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
1973

БАУРДЖАН МОМЫШ-УЛЫ

ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ

3-е издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
Алма-Ата — 1973

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

9(с)27
М76

Момыш-улы Бауржан.
Генерал Панфилов. Изд. 3-е. Алма-Ата, «Казахстан», 1973. 156 с

М $\frac{1122-019}{М401(07)-73}$ 166—73

Бауржан Момыш-улы

ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ

Редактор **С. Тимченко.**
Художник **М. Рапопорт.** Худ. редактор **В. Безелюк.**
Техн. редактор **А. Колчин.** Корректор **Л. Шарандак.**

Сдано в набор 8/IX 1972 г. Подписано к печати 4/I 1973 г.
Формат 70×108$^1/_{32}$. Бумага № 1. 4,875=6,825 усл. п. л. (6,4 уч.-изд. л.).
УГ05413. Тираж 166 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.) Цена 21 коп.
Издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Советская, 50

Заказ № 1580. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

ОТ АВТОРА

Об Иване Васильевиче Панфилове написано много, но исчерпывающего жизнеописания этого замечательного человека пока еще нет. Мне хотелось бы, в меру своих сил, восполнить этот пробел, хотя, естественно, и мой труд не может претендовать на полное освещение биографии И. В. Панфилова.

Архивные материалы о нем, надо признаться, оказались довольно скудными. Мало помогает и личное дело генерала, хранящееся в центральном архиве Министерства обороны. Оно состоит преимущественно из стандартных служебных аттестаций и боевых донесений.

Главное в биографии Панфилова — сражение под Москвой. Здесь он проявил воинский талант, здесь он и героически погиб. В небывалой битве — Великой Отечественной войне, где с нашей стороны разворачивалось одновременно до одиннадцати фронтов,— Панфилов участвовал в качестве командира дивизии. Поистине заслугой его является то, что своей настойчивостью он сумел создать такую дивизию, которая стала, в известном смысле, самым популярным соеди-

нением вооруженного народа, отстаивавшего свою столицу.

Судьба не обидела генерала Панфилова. Он сделал максимум того, что мог сделать человек на его месте.

О генерале Панфилове я готовлю монографию для академического издания. Предлагаемая книга является сокращенным вариантом этой монографии и рассчитана на массового читателя. Здесь я сознательно избегал детального разбора операций и боев, ограничиваясь лишь кратким описанием обстановки на фронте, где приходилось действовать дивизии Панфилова. При этом следует иметь в виду, что всякий рассказ о боевых действиях, основывающийся лишь на имеющихся военных документах, будет неполным. Самые совершенные документы не могут в полном объеме отразить чрезвычайно сложную, многогранную деятельность военачальника в бою. Они зачастую не содержат тех фактов, которые определяли необходимость того или иного тактического и оперативного решения, хода и исхода операции и боя. По документам не всегда удается восстановить действительную атмосферу событий, их специфику, окраску. Сплошь и рядом некоторые из них оказываются утерянными. Кроме того, многие важные боевые распоряжения передавались по телефону или устно, на месте, при личном посещении войск командиром. Они никем не записывались

Мои личные воспоминания, может быть, до некоторой степени восстанавливают атмосферу прошедших сражений, но не могут стать предпосылкой для больших обобщений.

I

Я работал старшим инструктором военного комиссариата Казахской республики, когда началась Великая Отечественная война.

Однажды ко мне в кабинет вошел среднего роста генерал, сутуловатый, с задумчивым узким монгольским прищуром глаз, черными квадратными усиками, со смуглым загаром на чуть удлиненном лице. Я встал.

— Вы будете товарищ Момыш-улы? — спросил генерал хрипловатым голосом. Я ответил.

— Моя фамилия Панфилов,— представился генерал,— будем знакомы, товарищ старший лейтенант.

Генерал подал мне руку, затем познакомил с высоким сухощавым майором Стариковым, сопровождавшим его, предложил нам сесть и сам сел против меня. Снял фуражку, вытирая вспотевший лоб, сказал:

— Вы назначены командиром батальона. Я был у вашего военкома... Пока 316-я стрелковая дивизия состоит из трех человек: меня, майора Старикова и вас, товарищ старший лейтенант... Мы с товарищем майором обосновались в Доме Красной Армии. Там в дальнейшем развернем наш штаб. Вам следует как можно

скорее сдать свои дела и явиться к нам. Пока батальона нет, вы мне будете помогать.

— Когда прикажете явиться, товарищ генерал?

— Сдайте дела, потом побывайте дома. Приготовьте свои походные вещички. Послезавтра утречком приходите.— Генерал встал, подал руку на прощание и, заметив, что я поднялся, сказал: — Не провожайте нас, товарищ Момыш-улы. Занимайтесь своим делом.

Так состоялось мое первое знакомство с Иваном Васильевичем Панфиловым.

В эти дни в военкоматы и райкомы партии столицы Казахстана непрерывно шли рабочие, колхозники, служащие, ученые — люди всех возрастов и профессий. Шли коммунисты, комсомольцы и беспартийные.

Много было молодежи — вневойсковиков и призывников. Все они просили послать их на фронт. Этих добровольцев было великое множество. В райкомах и военкоматах массе посетителей разъясняли, что спешить не следует, придет время, и они будут призваны в армию. В первую очередь рассылались повестки вневойсковикам, запасникам и призывникам, которые по мобилизационному плану подлежали призыву.

13 июля 1941 года по решению Главной Ставки в Алма-Ате и ее окрестностях началось формирование 316-й стрелковой дивизии, командиром которой был назначен генерал-майор И. В. Панфилов.

Сформировать такое крупное войсковое соединение, и притом в весьма сжатый срок,— не легкое дело. Сложная организационная работа по призыву, правильному распределению, расквартирование личного состава, комплектование частей и подразделений, расстановка командных кадров, обмундирование, вооружение требовали от Панфилова напряжения всех сил.

При этом он опирался на помощь ЦК КП Казахстана, правительства республики, органов местного военного управления, партийных организаций. Но всеми главными организационными вопросами Панфилов занимался лично сам. Решив вопрос в принципе, он расставлял затем нас, офицеров, на отдельные участки. Задание он давал на каждый день накануне, а к исходу дня мы приходили и докладывали ему о выполнении. Он умел выслушать наши доклады до конца, не перебивая, затем уточнял вопросами, записывал, советовался, отдавал распоряжения на следующий день. Он не упускал ни единой мелочи, не горячился, не журил, учил не гневом, а умом. Каждый день прибывали старшие офицеры, работать становилось легче.

Как-то я получил от генерала задание побывать в нескольких помещениях, выделенных по решению горсовета для размещения подразделений. Я в течение дня осмотрел отведенные помещения, а вечером доложил генералу. Выслушав меня, он нахмурил брови, встал, прошелся, заложив руки назад. Потом, повернувшись ко мне, сказал:

— Значит, я вчера вас плохо инструктировал, коль вы меня как следует не поняли, значит, всю вину мне придется брать на себя...

— Я побывал, товарищ генерал, во всех домах по указанным адресам,— запротестовал я.

— Мне, товарищ старший лейтенант, не адреса нужны. Адреса этих помещений у меня записаны. Знаю, что это за помещения: школа, детский сад, клуб и так далее. Меня интересует вместимость того или иного помещения. Какой двор? Можно ли там проводить занятия по строевой и физической подготовке? Обеспечивают ли потребности размещенных людей канализация и водопровод? Какие есть подсобные поме-

щения для использования под пищеблок, под каптерки, под санитарный пункт? — Все это он говорил, прохаживаясь, а я слушал, стоя навытяжку.— Вы садитесь, товарищ Момыш-улы, и записывайте, что я говорю. Если что непонятно, задавайте мне вопросы... С хозяевами обязательно поговорите и посоветуйтесь, что кому может понадобиться. Командир подразделения, занимающий помещение, должен принимать все по описи, а перед уходом сдать все в исправности. Описи должны быть составлены заранее вместе с хозяевами.

Я записывал все указания генерала.

В эту ночь я спал неспокойно, ожидая утра. Выпив стакан чаю, побежал выполнять задание генерала.

Вернулся я поздним вечером.

— Что же так задержались?

— Чертил планы, товарищ генерал.

— Ну-ка-с! Давайте ваши планы.

Я развернул перед генералом несколько листов миллиметровки, на которых были вычерчены планы каждого дома со двором и надворными постройками, с указанием площади и другими краткими данными.

— Так, так!— одобрительно сказал генерал, рассматривая планы.— Теперь совсем другое дело. У вас неплохая графика. Здесь, на этом плане, есть все необходимые мне данные. Значит, в этом помещении можно разместить больше роты. И двор большой... Придется установить дополнительные умывальники.— Так, рассуждая сам с собой, генерал просмотрел все шесть листов миллиметровки, а потом дал мне ряд дополнительных указаний.

Дня через три после этого вечера я находился в панфиловской приемной. Генерал, выйдя из кабинета, подхватил меня под руку, заторопился, увлекая за собой:

— Пойдемте быстрее. Мы опаздываем. Не полагается опаздывать к начальству. Адъютант где-то застрял. Я вас прошу заменить мне на время адъютанта.

Когда машина мчалась по широким и прямым улицам Алма-Аты, утопающим в зелени, благоухающим свежестью горного воздуха и ароматом яблоневых садов, генерал спросил меня:

— А вы знаете, куда мы едем?

— Точно не знаю, товарищ генерал. Но вы же сказали — к начальству.

— Мы с вами едем в ЦК. А вы знаете, зачем мы туда едем?

— Не знаю, товарищ генерал.

— Я вам по секрету скажу,— при этих словах у него промелькнула почти детская улыбка, омолодившая лицо.— Меня принимают секретари ЦК и председатель Совнаркома республики. Вы знаете, о чем я их хочу просить?

— Не знаю, товарищ генерал.

— Коль вы меня сопровождаете, должны знать, зачем мы с вами едем... Вот одна из моих просьб. К нам прибывает более полусотни женщин и девушек — врачей, фельдшеров и медсестер-добровольцев, и я хочу просить одеть этих патриоток по-военному и в то же время по-женски прилично. Дивизионный интендант полковник Дидишвили говорит: «Ну что же, товарищ генерал, оденем их, как бойцов, на общих основаниях». А на «общих основаниях» он выдаст этим девушкам и женщинам мужские рубашки, кальсоны, гимнастерки, брюки и солдатские сапоги. Говорит, так положено по табелю... Нет, Дидишвили не прав. С прекрасным полом надо считаться. Как они выйдут на улицу? А? Человек должен в одежде испытывать удобство. Белье обязательно должно быть женское. Не брю-

ки, а юбки, не портянки, а чулки. Конечно, гимнастерку, шинель и ремень пусть носят на общих основаниях.

— А как же быть с косами, товарищ генерал?

— Вы уместно напомнили об этом. Интересно, как все-таки быть с косами...— Панфилов почесал затылок.— Не будем об этом думать. Путь женщины сами решают и носят себе на здоровье любую прическу, какая удобна в полевых условиях.

Через час очень довольный и веселый генерал вышел из кабинета первого секретаря ЦК. Когда мы шли по длинному коридору Дома правительства, он снова взял меня под руку и тихо сообщил:

— Все вопросы мы с вами разрешили, все наши просьбы уважили.

Легкими, быстрыми шагами генерал прошел к выходу, молодцевато козырнув на приветствие постового милиционера.

Сейчас, когда я стучу на машинке эти строки, каюсь: мне тогда показалось совсем не по-генеральски брать меня, старшего лейтенанта, под руку, я был смущен и такой «фамильярностью» и словами «я прошу вас », «все вопросы мы с вами разрешили». Именно подобное отношение к подчиненным, видимо, послужило основанием для того, чтобы написать в одной из его ранних аттестаций: «Требователен, но с большой примесью панибратства».А жизнь показала, что не прав комдив Чанышев, написавший эти слова в аттестации, и не прав старший лейтенант Момыш-улы, про себя подумавший: «Все это не по-генеральски».

Состав дивизии был многонациональным: русские, казахи, киргизы, украинцы и представители других национальностей Казахстана и Киргизии.

В воспитании и укреплении боевого духа солдат большую роль сыграли коммунисты. В 84 первичных партийных организациях, созданных в частях и подразделениях дивизии, состояло 984 коммуниста. Коммунисты и комсомольцы составляли 35 процентов всего личного состава дивизии. Командный состав в дивизии был разношерстным: в него вошли и опытные кадровые командиры, такие, как начальник штаба дивизии полковник Иван Иванович Серебряков или командир 1073-го стрелкового полка майор Григорий Ефимович Елин, и офицеры запаса, давно отвыкшие от строгого воинского порядка и отставшие от военных новинок, и молодые, сильные, досрочные выпускники военных училищ. Политсостав в основном состоял из офицеров запаса — партийных и советских работников.

Около двух третей рядового и младшего командного состава дивизии ранее не служили в кадровой армии, а проходили лишь учебные сборы продолжительностью от одного до трех месяцев в системе вневойсковой или допризывной подготовки.

И. В. Панфилов придавал особое значение правильной расстановке кадров, лично сам занимался этим и помогал командирам частей советами. Генерал подолгу беседовал с каждым старшим командиром. Расспрашивал обо всем, вплоть до семейных дел, советовал, как правильно расставлять людей, давал конкретные указания в организации обучения по сокращенной программе.

В пригородных долинах, в ущельях Алатауских хребтов раскинулись лагеря батальонов, артиллерийских дивизионов, полков. Обмундированные и вооруженные, в строгом строю выходили роты и батальоны, батареи и дивизионы оборудовать учебные поля, спортплощадки, плацы, стрельбища, полигоны. Началась

боевая и политическая подготовка по строгому плану и уплотненному распорядку дня.

И. В. Панфилов не любил созывать совещания. Он советовался и давал указания, если можно так выразиться, в рабочем порядке, на местах. По его требованию аппарат штаба и политотдела свой контроль и управление также осуществляли на местах. Панфилов категорически запрещал наскоки одного проверяющего за другим. «Ваша задача помочь командиру... Помогайте на местах со знанием дела, если не можете помочь — лучше не мешайте»,— говорил он офицерам штаба.

Мне вспоминается, как, посещая наш полк, Панфилов не упускал случая поделиться с нами, молодыми командирами, своим большим армейским опытом и знаниями.

— Учебные походы требуют не меньше выдержки, выносливости и мужества, чем в бою,— говорил генерал. Или: — Люди только что сменили гражданскую одежду на армейскую, она им пока непривычна. Перво-наперво начинайте с правильной обмотки портянок и пригонки обмундирования и снаряжения. Ничто не должно бойцу мешать в походе. Тренируйте бойцов с полной выкладкой.

Исходя из этих установок, наши роты и батальоны совершали частые марши, постепенно втягивая бойцов в самые сложные условия военных походов.

Наш командир полка майор Елин, я и некоторые другие командиры подразделений в то время не состояли в рядах партии. Как-то к нам прибыл Панфилов. В сопровождении командира и комиссара полка он обошел расположение части, задержался в штабе нашего батальона, внимательно рассматривая расписание занятий и делая некоторые замечания и поправки.

Комиссар полка, увидев, что генерал увлекся уточнением деталей планирования учебы, спросил у него разрешения идти.

— А что, вас разве не интересует этот вопрос, которым мы занимаемся? — спросил генерал, нахмурив брови.

— У меня есть дела, товарищ генерал...

— А это, по-вашему, не дело? Вы с командиром полка должны были рассмотреть и утвердить эти планы. У нас очень сжатые сроки. Полк должен заниматься по единому плану, а у вас, как я вижу, разнобой получается. То, что я сейчас делаю, давным-давно должны были сделать вы.

— У нас намечено к шести часам партийное собрание,— перебил генерала смущенный комиссар полка.

— Какая повестка дня?

— «Задачи коммунистов в боевой и политической подготовке».

— Когда учеба еще четко не спланирована, какая может быть речь о задачах? Кто докладчик?

— Инструктор полка.

— А почему не командир полка, не комиссар полка?

— Ведь вы же знаете, товарищ генерал, что командир...

— Беспартийный,— прервал генерал.— Об этом все знают. А вам готовиться, видимо, было некогда.

— Да, товарищ генерал, я был занят.

— Вот что, батенька: сначала вы сами толком разберитесь, спланируйте, потом доложите мне, а после моего утверждения спустите план до подразделений. Исходя из реальных возможностей, четко сформулируйте задачи. Пусть командир, будь он партийным или беспартийным товарищем, сам сделает доклад и поста-

вит конкретные задачи,— и, упершись неотточенным концом карандаша в стол, добавил, обращаясь к Елину: — Вам, Григорий Ефимович, партия, Советское правительство доверили полк, нет ничего зазорного беспартийному большевику — командиру — сделать доклад на открытом партийном собрании. Да, да,— уже обращаясь к комиссару, подчеркнул генерал,— надо проводить с такими повестками дня открытые, а не закрытые партийные собрания.

— Мы хотели провести после комсомольское собрание...

— Зачем собирать по одному и тому же вопросу отдельно коммунистов, комсомольцев, а потом всех вместе на красноармейское собрание? Задача ведь для всех одна и та же. То, что коммунисты и комсомольцы должны быть впереди, служить примером — это тоже ясно... Отмените сегодняшнее собрание, как неподготовленное. Я скажу комиссару дивизии, чтоб он дал вам за это нагоняй.

— За один и тот же проступок дважды не наказывают, товарищ генерал,— горько улыбнувшись, сказал комиссар.

— Значит, договорились? — рассмеялся Панфилов.

— Так точно, товарищ генерал.

— Обещаю вам все это скрыть от комиссара дивизии,— генерал хитро улыбнулся и, тепло попрощавшись, уехал.

Одна из ступенек подножия Талгарского ущелья составляет ровное, как скатерть, плато площадью в три-четыре гектара. Подъем к этому плато очень крут. На рассвете, оставив походные кухни и повозки на берегу речки Талгарки, я повел батальон на штурм. Научившись лазить по горам еще с детства, я пошел зигза-

гом, приказав командирам рот вести людей не гуськом, по одному, а в строю по четыре. Высокие травы переплелись с мелким кустарником и цеплялись за ноги, идти было очень трудно. Особенно головным. Мы рвали густые заросли, мяли их ногами, продвигаясь медленно наискось гребня. Таким образом к плато была протоптана дорога с постепенными облегчающими подъемами. Впоследствии эту тропу называли «ирек жол» — извилистая дорога.

Плато было безукоризненно ровным, через триста метров оно утыкалось в горы. Зарослей кустарника здесь не было, под ветром колыхался густой, по пояс, ковыль.

Выстроив батальон повзводно, я сказал:

— Нас — семьсот пар ног. Мы проложили дорогу к этому плато. Мы протоптали всего лишь два десятка метров. Видите? Мы должны протоптать триста метров. Это плато будет стрельбищем нашего батальона... Батальон, равняйсь! Смирно! Прямо перед собой до самых гор шагом марш!

Так прошел батальон туда и обратно три раза. Устали люди, устал и я сам. Было девять часов утра.

Командиры рот повели людей на завтрак.

Позавтракав, я первым поднялся на плато. И... о ужас! За какой-нибудь час живительная сила природы опять взяла свое: как ворсинки хорошо обработанного меха, ковыль поднялся, выпрямился...

Роты возвращались. Снова выстроив батальон, пришлось туда и обратно промаршировать десять раз. А отдельные цепки и живучие стебли мы вырывали с корнем руками.

Разместили ротные участки стрельбища, определили тренировочные поля, исходные и огневые рубежи. Расставили мишени на различных дистанциях для

упражнений в стрельбе из винтовок, ручных и станковых пулеметов.

— Товарищ комбат,— окликнул меня лейтенант Рахимов,— генерал едет.

Разрядив винтовку, которую пристреливал, я быстро встал. Генерал ехал на моем коне, с моим коноводом Николаем Синченко. Я пошел навстречу. Генерал сошел с коня и, отдав поводья Синченко, поздоровался со мною за руку.

— Еду, слышу — стрельба. В долине кухни дымят, повозки стоят, а выстрелы где-то наверху. Смотрю: широкая тропа к вершинам зигзагом подымается. Ну вот, на вашем коне прибыл посмотреть, чем вы тут занимаетесь.

Я доложил, что батальон прибыл сюда на рассвете, проложил тропу, протоптал стрельбище, позавтракал, теперь до самого вечера пробудет здесь на учении.

— Вы раньше служили в горных частях?

— Служил, товарищ генерал.

— Как говорится, рыбак рыбака видит издалека, вот вам опыт и пригодился, иные бы не догадались подняться на такую высоту,— одобрительно сказал генерал.— А почему не на полковом стрельбище?

— На полковом стрельбище наш черед через три дня на четвертый. Не успеваем отрабатывать огневые задачи. Время уходит только на пристрелку оружия. Много людей приходится выделять на оцепление. Здесь мы изолированы от всего.

— А кто первый это место облюбовал?

— Лейтенант Хаби Рахимов, начальник штаба батальона. Он известен в Алма-Ате как альпинист. Знает здесь все ущелья, все гребни.

— Хорошо. Пусть люди занимаются, как у вас

намечено. Покажите мне, как вы тут организовали учебу.

Часа три мы обходили учебные группы. В некоторых из них генерал запросто беседовал с бойцами, а в одной группе он провел короткое занятие по взаимодействию частей станкового пулемета. В очередной смене он попросил пристрелянную винтовку, занял рядом с бойцом место на исходном рубеже и смущенному командиру взвода сказал:

— Командуйте, товарищ лейтенант.

— Смена! На огневой рубеж шагом марш! — скомандовал досрочный выпускник военного училища.

Держа равнение с бойцами, Панфилов пошел, отчеканивая строевым шагом.

— Смена! Стой! — По этой команде генерал замер, держа винтовку к ноге.— Раздать патроны.

— Красноармеец Тастанов получил три боевых патрона.

— Красноармеец Володин получил три боевых патрона.

— Генерал Панфилов получил три боевых патрона.

Когда доложил десятый, последний боец, лейтенант скомандовал:

— Лежа! Три патрона заряжай!

Все попадали камнем, защелкали затворы, раздались частые выстрелы.

— Встать! — скомандовал лейтенант. Все вскочили.— На плечо! Ружья к осмотру! — Смена держала винтовки с открытыми затворами в «положении на плечо». Закончив осмотр, лейтенант скомандовал:

— К ноге! Положить оружие!

Как бы спрашивая, что делать дальше, лейтенант посмотрел в мою сторону. Я дал знак «к мишеням».

— Смена! Прямо перед собой к мишеням шагом марш!

Каждый стрелок встал напротив своей мишени. Мы с лейтенантом начали осмотр, отмечали красным карандашом пробоины. Когда дошли до генеральской мишени, Панфилов доложил:

— Генерал Панфилов — из тридцати возможных двадцать семь очков.

Лейтенант обвел красным карандашом восьмерку, девятку и десятку и пошел к следующей мишени. Панфилов сказал:

— Другим вы объявляете оценки, товарищ лейтенант, а мне почему-то ни слова не сказали.

— Вы, товарищ генерал, задачу выполнили на «отлично»,— отчеканил лейтенант.

Улыбаясь, Панфилов ответил:

— За старание боец должен быть поощрен теплыми словами командира.

С того момента, как генерал с ружьем встал в смене на исходном рубеже, весь батальон смотрел на него, не упуская ни одного его движения в роли рядового бойца-стрелка. Пример пожилого командира произвел большое поучительное впечатление на всех тех, кто в тот день присутствовал на нашем стрельбище.

Вскоре батальон строем спустился вниз, к берегу Талгарки, на обед.

Генерал отказался ехать верхом. Мы с ним шли замыкающими. По дороге он дал ряд указаний по вопросам организации учебы, оборудованию учебных полей и комплексного обучения бойцов.

— У нас, как вы сами знаете, очень сжатые сроки. Для обучения и сколачивания частей в мирное время отводились годы, теперь — война, время надо считать часами. Уплотняйте распорядок дня, комплексируйте

боевую учебу. Спланируйте и организуйте так, чтобы каждое отделение за один день прошло всего понемножку: и строевую, и физическую, и огневую, и тактическую подготовку.

Когда мы подходили к биваку, люди, раздевшись по пояс, мылись в речке. Панфилов тоже разделся до пояса, аккуратно сложил китель и сорочку в тени кустарника, потом разулся и, разложив портянки и носки на горячем от солнца валуне, начал мыть ноги.

— Хорошо, конечно, солдату вымыться до пояса. Только почему же никто не разулся? Это плохо,— говорил он, шлепая босыми ногами по студеной воде. Приучите бойцов мыть ноги и сушить портянки. Гигиена ног и подгонка обуви для пехоты очень и очень необходимы. Не экономьте на этом время.

Замечание генерала было принято к исполнению. Примостившись на большом гладком камне, Панфилов вместе с нами пообедал из котелка. Приказал явиться к нему старшему повару и дежурному по пищеблоку с ведрами кожуры от очищенной картошки. Когда те прибыли, он рассыпал перед собой картофельную кожуру и, сидя на корточках, начал разбирать на тонкие и толстые очистки. Мы все недоуменно переглядывались. Закончив сортировку одного ведра, он встал и, обращаясь к старшему повару, с которого пот катился градом, сказал:

— От красноармейского пайка должен быть самый минимальный отход.

— Понятно, товарищ генерал.

— Можете идти, товарищи.

После их ухода генерал обратился ко мне:

— Побыл я у вас почти полдня. Начало у вас неплохое. Ваш батальон расквартирован в Талгарском сельхозтехникуме?

— Да, товарищ генерал.

— Почему бы вам не перебраться сюда? Здесь вода. Ваши учебные поля. Вы же лишних три-четыре часа тратите на ходьбу сюда и обратно. Так ведь?

— Так точно, товарищ генерал. Но у нас нет лагерных палаток.

— Лагерных палаток и не будет. Плащ-палатки у каждого бойца есть?

— Да, ими мы обеспечены полностью.

— Вот и разверните здесь лагерь. На фронт мы лагерные палатки не повезем. В полевых, так в полевых условиях. Здесь вполне можно отрабатывать все тактические задачи вплоть до взвода, а ротные и батальонные учения будете проводить в другом месте.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

— Ну вот мы с вами и договорились. Доложите майору Елину и завтра же освободите помещение сельхозтехникума.

— Есть, товарищ генерал.

— Проводить совещание с вашими командирами я не стану, вы сами растолкуете им все, что я говорил,— генерал попрощался, сел в машину и уехал.

Каждое посещение генерала для нас всех было поучительным.

В дни формирования ко мне явился высокий брюнет с правильными чертами лица, очень грустными карими глазами. Представляясь, он небрежно сделал некоторые строевые приемы. «Прошел школу дрессировки»,— подумал я. Это был кадровый командир-кавалерист. «Щеголи в кавалерии, лодыри в артиллерии, умные во флоте, дураки в пехоте»,— запомнил на всю жизнь лейтенант Ефим Филимонов. Он пришел в батальон, совершенно подавленный тем, что его, кад-

рового комэска (командира эскадрона), назначили командиром пехотной роты. Самолюбие кавалериста было уязвлено еще и тем, что над ним начальствует какой-то старший лейтенант артиллерии (из лодырей). Возможно, Филимонов был хорошим наездником, рубакой, но вскоре я убедился, что он очень плохо разбирался в топографических картах, в элементарных тактических приемах.

С первой же нашей встречи между мной и Филимоновым завязалась, если можно так выразиться, психологическая борьба. Нелепая борьба. По-мирному у нас никак не ладилось, я с ним был более официален, чем с другими командирами.

На маршах я посылал его далеко вперед по неизученному маршруту со всякими изломами азимутов, начертив их на топографической карте или на схеме. Когда он уклонялся от заданного направления в сторону (что случалось часто), я на коне догонял его, останавливал, заставлял ориентироваться, сличать карту с местностью. На тактических учениях предоставлял ему первому слово для уяснения задачи, оценки обстановки, принятия решения. К моему удивлению, он не различал эти три понятия и каждый раз принимал путаное и необоснованное «решение». Другие командиры, лежа на земле, тихонько посмеивались над тактической безграмотностью Филимонова.

Слухи об «издевательстве» над Филимоновым дошли до генеральских ушей. Как-то в окрестностях станицы Талгар я проводил батальонное учение. Вдруг примчалась легковая машина: приехал генерал Панфилов в сопровождении комиссара полка. Генерал потребовал план учения. К счастью, мы с лейтенантом Рахимовым ночью не спали и, как умели, разработали план учения, приложив к нему отработанную карту.

Приостановив занятия и внимательно изучив наш план, генерал спросил:

— Кто разработал план?

— Я и лейтенант Рахимов.

— Почему этот план не утвержден командиром и комиссаром полка?

— По плану, товарищ генерал, командир полка через неделю проводит с нами учение на эту тему. Я решил предварительно потренировать батальон.

— Значит, не хотите лицом в грязь ударить перед командиром полка? Это хорошо. Мне это нравится,— генерал лукаво улыбнулся и, обращаясь к комиссару полка, спросил: — Все ваши батальоны так готовятся к предстоящему учению?

— Я не в курсе, товарищ генерал,— неловко признался комиссар.

Генерал усмехнулся, но ничего не сказал:

— Отведите батальон на исходное положение, откуда начали учение,—приказал Панфилов мне.—Я хочу посмотреть, как у вас получается с самого начала.

Дали отбой. Роты заняли исходное положение.

— Я, кажется, малость разобрался в вашем плане. Переставьте роты. Ну, сделайте рокировку первой роты со второй.

Пока роты рокировались, генерал взял карандаш и исчертил всю нашу схему, изменив направления и задачи.

— Пусть люди на месте покурят,— сказал он, передавая схему.— А мы с комиссаром полка немножко побродим среди народа.

Генерал вернулся через час. Вызвав командиров и политруков рот, он сам в роли командира полка принял решение и поставил нашему батальону «боевую» задачу. Затем приказал мне уяснить задачу, оценить

обстановку и принять решение. Я очень волновался и выпалил, видимо, все скороговоркой и по шаблону. Генерал остановил меня и приказал говорить «по-человечески» и с «толком», «чтобы каждому смертному было понятно». Я взял себя в руки и начал докладывать.

— Так, так,— поддакивал генерал, как мать, одобряющая верные шаги своего ребенка. Это меня подбодрило, и я, окончательно осмелев, заговорил «челоческим» языком.

Генерал утвердил наше решение. Далее заслушивали командиров рот. Филимонов засыпался, а другие два командира отличились. Начался «бой». Бойцы и командиры старались до предела. В ходе «боя» генерал не давал сложных «вводных», а придерживался плана. Дали отбой. Батальон собрался. Генерал сделал общий разбор перед бойцами, указал на отдельные недостатки и закончил свою речь так:

— Сегодня вы неплохо поработали. А завтра, я думаю, будете работать и учиться лучше, послезавтра — еще лучше. Хорошая учеба, товарищи,— верный залог успеха в бою. Для армии нужны не добрые папаши, а строгие, требовательные командиры. Не все люди одинаковы: одним достаточно сказать слово, другого надо убеждать, третьего не грешно и принудить.

Когда я провожал генерала к машине, он посмотрел на комиссара полка и с упреком сказал:

— Передайте командиру первой роты: пусть он учится, а не жалуется.

Комиссар полка захлопал глазами, как бы умоляя генерала не выдавать тайны, но тайна была выдана.

И вот был получен приказ Ставки Главного командования о выезде дивизии в действующую армию на Северо-Западный фронт.

В один день или в течение суток погрузить всю дивизию в вагоны, конечно, не представлялось возможным, так как для этого потребовалось бы подать восемнадцать-двадцать эшелонов, по пятьдесят-шестьдесят вагонов в каждом. Торопились не суетясь. Была установлена строгая очередность погрузки частей и подразделений, проводились с командным составом практические занятия по погрузке войск.

— Война требует, бой требует,— говорил генерал на разборе занятий по погрузке войск,— чтобы войска были готовы по первому сигналу к походу и длительным переходам в любое время года и суток. На фронте нас ждет активный маневр — на ногах и на колесах. Нас будут перебрасывать с одного участка на другой, с одного фланга на другой. Ничто для нас не должно быть неожиданным. Учите людей и требуйте от них постоянной боеготовности. Имейте в виду, что нас будут бить за нашу неорганизованность. Организованность и дисциплина — это самое главное в вопросах боеготовности частей и подразделений. Боец не должен скучать. Он должен быть всегда занят. Занят не вообще, а заинтересованно. Не знаю, сколько будем ехать в эшелоне до фронта, ведь наши железные дороги сейчас перегружены. Едва ли для нашей дивизии будет открыта «зеленая улица». Но людей в пути скука не должна одолевать. Это, товарищи политработники и командиры, очень важный вопрос. Продумайте и распределите по вагонам агитаторов, песенников, а также культимущество: гармошки, патефоны, книги, шахматы, домбры. Кроме того, надо организовать боевую и политическую подготовку. Что в этом отношении можно сделать? Изучать уставы и наставления, материальную часть оружия, баллистику. Эти занятия надо орга-

низовать так, чтобы бойцу было интересно. Не стесняйтесь самим же бойцам поручать провести беседы и занятия. Желательно, чтобы это было на добровольных началах. Я просил руководителей республики, они уважили мою просьбу: на узловых станциях наши эшелоны будут обеспечены газетами и журналами. Организуйте правильное распределение газет и журналов и их читку. Время на погрузку войск у нас очень сжатое. Много будет провожающих. Грузиться или прощаться? Надо то и другое. Слезы обязательно будут. Но боец не должен плакать! Своим нервишкам и чувствам воли не давать!.. Прощание — это первое испытание воина. Пусть попрощаются с достоинством, без слез. Родственные чувства людей при расставаниях надо беречь и уважать, но не распускать слюни. У кого есть родственники, надо разрешить короткие свидания, а некоторых, особенно молодоженов и у кого престарелые родители, как исключение, отпускать на побывку, но не дольше чем на сутки, и то, повторяю, как исключение.

Наш батальон грузился первым. День выдался ясный. На улицах, залитых ярким солнцем, стояли толпы провожающих. Оркестр шел в голове колонны. Батальон в строгом строю отчеканивал шаг под такт маршевой музыки. У обочин мостовой образовалось еще два «строя» — это шла детвора, подражая строю воинов.

На перроне вокзала генерал Панфилов стоял среди руководителей республики. Спросив разрешения у председателя Совнаркома, я доложил генералу о прибытии батальона.

— Командир первого батальона одного из наших полков, он же начальник эшелона,— представил меня генерал руководителям республики. Они поздоровались со мной за руку.

— Никто из нас вам мешать не будет. Приступайте к погрузке, как у вас намечено,— приказал генерал.

Когда погрузка подходила к концу, генерал с руководителями правительства обошел батальон, останавливаясь у каждого вагона.

Продолжительный гудок паровоза. Стук колес. Прощальные взмахи рук. Алма-Ата осталась позади.

II

1 января 1893 года в семье Василия Захаровича Панфилова, мелкого конторского служащего города Петровска Саратовской губернии родился сын. При крещении священник дал младенцу самое распространенное на Руси имя — Иван.

Раннее детство Вани Панфилова, полное нужды и лишений, ничем не отличается от детства его сверстников: отцы зарабатывали мало, а семьи были большие.

После смерти матери, Александры Степановны, в 1904 году семейный очаг Панфиловых развалился. Истощенный от постоянной нужды, Василий Захарович, потеряв последнюю опору в жизни, начал пить, а дети разбрелись по родственникам.

В 1905 году, в год первой русской революции, первой попытки русского народа скинуть с себя ярмо самодержавия, Ваня Панфилов выбыл из второго класса городского училища. На этом и завершилось его начальное образование, как у многих детей трудового люда того времени.

За неимением средств к существованию и учению он в тринадцатилетнем возрасте был отправлен на «подножный корм» в город Саратов, где побывал на самых унизительных работах у купцов Боголюбова, Соколова,

Короткова, сначала мальчиком на посылках, а потом выполнял всякие подручные работы.

Василий Захарович умер в 1912 году, и Ваня остался круглой сиротой.

Немало страданий и унижений довелось пережить Ивану Панфилову в годы своего отрочества за десять лет службы у саратовских купцов.

В 1914 году разразилась первая мировая война. Фронт пожирал все ресурсы страны и уносил множество человеческих жизней. В октябре 1915 года дошла очередь встать под ружье, надеть солдатскую шинель и до Ивана Васильевича Панфилова.

До января 1916 года он проходил службу рядовым 168-го запасного батальона в городе Инзар, а затем — курсантом учебной команды этого же батальона.

Наступает 1917 год. Дни Февральской революции застают И. В. Панфилова, отделенного командира, в чине младшего унтер-офицера, в маршевой роте, отправляющейся на Юго-Западный фронт.

Старший унтер-офицер, взводный командир, фельдфебель 638-го Ольтинского полка, член полкового комитета, ротный командир — таковы чины и должности, которые получил Панфилов, сражаясь на этом фронте.

В дни Октябрьской социалистической революции 16-й корпус, куда входило и подразделение Панфилова, по приказу Временного правительства снимается с фронта для защиты Учредительного собрания. Но весь корпус, отказавшись выполнить этот приказ, выбрасывает свой лозунг: «Вся власть Советам! Долой правительство Керенского!» В связи с этим корпус задерживается на Украине, где в то время еще не была установлена Советская власть. В феврале 1918 года в числе многих других Панфилов дезертирует из старой армии.

Первая половина 1918 года. Силы внутренней контрреволюции и внешних врагов объединяются в единую антисоветскую силу. Кончается короткая передышка после заключения Брестского мира и начинается гражданская война в России.

По призыву партии тысячи рабочих, крестьян и служащих вступили добровольцами в Красную Армию, чтобы отстоять завоевания Октября. Среди добровольцев был и работник Саратовского губернского советского контроля Иван Васильевич Панфилов. Отсюда, по существу, начинается биография Панфилова.

Вот краткие сведения из его послужного списка тех лет:

Октябрь — ноябрь 1918 года И. В. Панфилов в должности командира взвода первого стрелкового саратовского полка Чапаевской дивизии принимает участие в боях против чехословацкого контрреволюционного корпуса.

Ноябрь 1918 года — март 1919 года. И. В. Панфилов на Уральском фронте, командир взвода того же полка. Принимает участие в боях против уральских белоказаков.

Март — август 1919 года. И. В. Панфилов на Восточном фронте в составе того же полка. Командир взвода, а затем командир роты. Принимает участие в боях против Колчака.

Август 1919 года — март 1920 года. И. В. Панфилов на Южном фронте. Командир роты того же полка, но в составе 20-й Пензенской отдельной стрелковой дивизии. Сражается под Царицыном.

Март — апрель 1920 года. И. В. Панфилов находится в госпитале, болен тифом.

По выздоровлении, отказавшись от отпуска, предоставленного ему по болезни, Панфилов добровольно отправляется на Польский фронт, и командиром взвода сотого стрелкового полка принимает участие в боях против белополяков.

Сентябрь 1920 года — март 1921 года. И. В. Панфилов в составе того же сотого стрелкового полка сначала командиром взвода, а затем командиром роты сражается против банд на Украине.

Март — декабрь 1921 года. И. В. Панфилов стоит на страже западных границ молодой советской республики командиром взвода 183-го пограничного отряда.

За проявленные мужество и отвагу И. В. Панфилов награждается боевым орденом Красного Знамени.

Как видно из послужного списка, Иван Васильевич принимал активное участие в борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции почти на всех фронтах гражданской войны.

Успешно закончив гражданскую войну, молодая советская республика переходит на мирное строительство.

С декабря 1921 года по август 1923 года.

И. В. Панфилов — курсант Киевской объединенной военной школы. Здесь он вступает в ряды большевистской партии.

После успешного окончания военной школы И. В. Панфилов назначается командиром взвода 52-го Ярославского стрелкового полка, через три месяца — помкомроты, а в марте 1924 года — командиром роты. Избирается членом Ярославского городского совета.

Как известно, английский империализм, осуществляя интервенцию в целях разгрома Советской власти, помышлял о захвате Средней Азии и превращения ее в плацдарм для наступления на центр советской России.

В Средней Азии к услугам английских империалистов кроме белогвардейских контрреволюционных сил была и местная национальная буржуазия, которая имела своей целью оторвать Среднюю Азию от советской России и восстановить господство эксплуататорских классов. Феодально-клерикальные элементы, национальная буржуазия и мусульманское духовенство, используя сложную военно-политическую обстановку в Средней Азии, темноту, забитость и религиозный фанатизм населения, организовали и возглавили басмачество для борьбы с Советской властью. Они придали этому бандитизму политический, контрреволюционный характер и реакционное панисламистское, пантюркистское направление. Басмачество причинило огромный ущерб народному хозяйству и унесло много человеческих жизней. Иностранная интервенция и белогвардейское окружение почти на два года отрезали Среднюю Азию от советской России.

Огромную и решающую роль в разгроме всех контрреволюционных сил и, в частности, басмачества, сы-

грало проведение в жизнь ленинской национальной политики.

Басмачество как контрреволюционное движение резко пошло на убыль, оно полностью лишилось всякой опоры среди населения, для которого Советская власть стала близкой и родной. Однако бежавшие в Афганистан и Иран басмачи, поддержанные английскими империалистами, вплоть до 1932 года не прекращали вооруженной борьбы, систематически совершали диверсии в виде набегов и отдельных рейдов в пограничные районы советской территории.

В декабре 1924 года И. В. Панфилов получает назначение в далекий, неспокойный Туркестан, где он прослужил до июля 1941 года.

Проследим за его службой в советском Туркестане.

С декабря 1924 года по май 1925 года И. В. Панфилов — начальник полковой школы 1-го Туркестанского полка, где кует кадры младших командиров Красной Армии.

В мае 1925 года И. В. Панфилов перебрасывается для охраны советской границы на Памир, где по август 1927 года работает в должности командира роты памирского отряда. Избирается членом бюро парторганизации отряда.

Работу И. В. Панфилова в этом отряде характеризует следующая аттестация:

«Обладает силой воли, энергией, решительностью. Сообразителен. В обстановке разбирается быстро, к подчиненным требовате-

лен. Дисциплинирован и любит дисциплину. Относится к работе добросовестно. Политически развит, в общественной и культурно-просветительной работе активен. Должности командира роты вполне соответствует».

В аттестации за 1927 год И. В. Панфилов характеризуется так: «Подлежит продвижению на должность командира батальона».

Август 1927 года — апрель 1928 года. И. В. Панфилов снова готовит младших командиров РККА, будучи в то время начальником полковой школы 4-го Туркестанского стрелкового полка. Избирается членом полкового бюро ВКП(б).

Апрель 1928 года — март 1931 года. И. В. Панфилов — командир батальона 6-го Туркестанского полка в г. Чарджоу. Избирается членом полкового бюро ВКП(б).

Март 1931 года — декабрь 1932 года. И. В. Панфилов — командир 8-го отдельного батальона местных войск. Он избирается членом Ошского городского Совета.

В декабре 1932 года за отличную боевую подготовку 8-го отдельного батальона И. В. Панфилов выдвигается и назначается командиром 9-го Краснознаменного горнострелкового полка, которым он командовал до июля 1937 года. Избирается членом президиума Чарджоуского городского Совета.

29 января 1936 года И. В. Панфилову присваивается очередное воинское звание — полковник.

Полк под командованием Панфилова значительно повысил общие показатели по боевой подготовке. Однако были и слабые стороны: «не сумел использовать штаб, как орган управления», «недостаточна личная общеобразовательная и тактическая подготовка»...

Это послужило поводом к тому, что Панфилов в течение трех-четырех лет систематически подвергался травле со стороны некоторых своих непосредственных начальников. Именно они своими выражениями: «гарцует на белом коне», «с примесью панибратства», «слабая общеобразовательная и тактическая подготовка», «штабом не руководит», «отупел в Туркестанском крематории»...— организовали вокруг имени И. В. Панфилова отрицательное мнение у высшего командования. И они добились своего: Панфилов был отстранен от командной работы.

Июль — октябрь 1937 года. И. В. Панфилов работает начальником квартирно-эксплуатационного отдела штаба Средне-Азиатского военного округа.

Октябрь 1938 года — июль 1941 года. И. В. Панфилов — военный комиссар Киргизской ССР. Депутат Фрунзенского облисполкома, депутат Верховного Совета республики, член ЦК КП Киргизии.

4 апреля 1940 года И. В. Панфилову присваивается воинское звание генерал-майора.

Действительно, Панфилов имел ряд недостатков и ошибок в своей практической работе. К тому были свои объективные и субъективные причины. Низкий общеобразовательный уровень, естественно, не позволял иногда охватить всю многогранную командирскую

деятельность. Увлекаясь одной областью, он упускал другую. Например: увлекаясь огневой, строевой и физической подготовкой, он упускал тактическую.

Но надо признать, что, имея всего двухклассное образование, Панфилов за долгие годы усиленной и добросовестной работы, строгой внутренней самодисциплины и требовательности к себе, преодолевая многие трудности, сумел не только ликвидировать свою малограмотность, но поднялся до уровня вполне эрудированного советского интеллигента и высшего общевойскового командира с большим внутренним тактом и практическим опытом.

Особенно усиленно Панфилов работал над собой по повышению своих политических и военных знаний в последние годы перед войной. Если были справедливы замечания о его слабой тактической подготовке, то справедливо и то, что Панфилов успешно одолел их и вступил в Великую Отечественную войну вполне подготовленным командиром дивизии.

Не каждому дано критическое мышление. Не каждый способен извлекать уроки из собственных ошибок — все равно, совершены ли они по неопытности или по незнанию. Не у каждого гражданская совесть строже любого строгого выговора старшего начальника.

Имея огромный командирский опыт и знания, Панфилов старался применять их творчески, с пользой для общего дела. Об этом говорит хотя бы такой случай.

После одного из боев под Москвой я докладывал генералу. Для оправдания своих не совсем удачных действий сослался на некоторые статьи устава. Видимо, эти положения устава я защищал горячо и страстно. Панфилов, как всегда сдержанный, выслушав меня до конца, задумался, а потом, мягко улыбаясь, сказал:

— Нет, батенька, буква буквою, статья статьею, устав уставом, а война войною,— и, повысив голос, добавил: — Война, конкретная обстановка боя нас учат, наш горький опыт нам подсказывает... Правильно Петр Первый сказал: «Не держаться устава, яко слепой стены, ибо там порядки писаны, а времен, случаев нет»,— и, выдержав паузу, хитро улыбнулся: — Говорят, что Петр Первый, написав это, задумался и приписал: «Тех, кто не будет выполнять устава, бить батогом». Я вполне согласен с Петром Первым, за исключением битья батогом...

— Хорошо сказал Петр Первый, товарищ генерал,— прервал я Панфилова.

— Хорошо-то хорошо сказано, бесспорно, хорошо. Но он вас батогом поколотил бы, а вот мне Советская власть не разрешает...

Я вам не запрещаю уставы применять, коль вы их знаете, но положение устава умеючи, по обстановке, осмысленно и творчески применять надобно. Я запрещаю механическое усвоение и применение буквы устава.

Хотя весь разговор носил для меня характер тяжелого выговора, но справедливость и убедительность этих доводов, как говорится, комментариев не требуют и были для меня весьма поучительными.

— Да, в уставе, действительно, нет ни времени, ни случаев,— продолжал Панфилов.— Устав — это не приказ, имеющий кратковременный характер. Но и к отдаче приказа надо подходить разумно и творчески. Не только краткая формулировка замысла боя и конкретных боевых задач частям, но и способы их выполнения войсками — вот что такое приказ. Приказ отдается именем народа, Родины и после отдачи становится лич-

ной судьбой подчиненного — исполнителя. Это очень и очень серьезно...

— Я вас понял, товарищ генерал.

— Только прошу вас не понять меня по субординации. Знаете, у нас всегда старший прав бывает... Народ не лыком шит. Простой человек иногда знает и думает больше, чем любой начальник, но он часто обобщить не может или высказать свое мнение побаивается. Вот я командир, можно сказать, всю свою жизнь, но всегда считал и считаю: не войска для командира, а командир для войск. Одна из главных задач командирского искусства — это владеть ключом к сердцу масс. Чем ближе командир к массам, тем лучше и легче ему работается. Суворов, требуя соблюдения субординации и беспрекословного повиновения, учил командовать без превышения власти, подчиняться без унижения.

Так учил нас, своих подчиненных, генерал Панфилов. И мне вспоминается другой случай, имеющий к этому разговору с Панфиловым прямое отношение.

В начале 1945 года, будучи командиром 9-й гвардейской дивизии, я откомандировал одного офицера в штаб армии, как не справившегося со своими обязанностями. Через три дня этот офицер снова прибыл в дивизию и вручил мне пакет от командующего армией генерал-полковника Ивана Михайловича Чистякова. Генерал- полковник своим неровным и крупным почерком писал мне личную записку приблизительно такого содержания: «Все мы с горем пополам и кое-как справляемся со своими обязанностями. Если товарищ Н. не хочет работать или мало усердствует в работе, то потребуйте и заставьте его работать хорошо. Если он не справляется, то помогите ему. Если он не знает или не умеет работать, то научите его. Когда научите его и он отлично будет справляться со своими обязанностями,

тогда можете его откомандировать в мое распоряжение...»

Столь оригинальное и справедливое письмо-приказание командующего я принял к руководству и исполнению не только в отношении командира товарища Н., но и в отношении всех остальных своих подчиненных, и помню эту записку как наставление на всю свою жизнь.

III

Вспоминается прекрасная осень в Ленинградской области. Нам пришлось совершать длительные марши и большие переходы, рыть окопы в прифронтовой полосе: в дремучих лесах, вязких, покрытым мхом болотах, на побережьях многочисленных маленьких зеркально чистых озер с причудливыми названиями вроде Гверистяньки, Альбиноли, на берегу цвета хвойного раствора реки Мсты, в затерявшихся среди гущи лесов хуторах, в еловых, березовых, сосновых рощах.

— Мы,— говорил генерал Панфилов,— южане, горностепной народ. Нам нужно как можно быстрее научиться не только ходить, но и воевать в лесу, в болотах. Времени маловато, торопиться надо, привыкать.

Лесные просеки и поляны, заваленные валежником, многочисленные ручьи с вязкими берегами, топкие болота для нас, жителей горностепья, были труднопроходимыми. Наши повозки и артиллерийские упряжки часто вязли. По личному указанию генерала мы выделяли в состав головной походной заставы усиленный саперный взвод, который наряду с разведкой маршрутов в нужных местах расчищал дороги, ремонтировал существующие мосты, подготавливал переправы

и броды, иногда строил легкие мосты из подручных материалов.

— Энергию людей, которую вы тратите на вытаскивание повозок и артиллерийской упряжи, потратьте на ремонт, очистку труднопроходимых участков дороги и строительство мостиков. Этим самым и время выиграете, сбережете силы людей, сбережете лошадей и материальную часть, повозки ломать, сбруи рвать не будете,— говорил генерал, проезжая по нашему маршруту.

Наряду с инженерным оборудованием оборонительных рубежей части подразделения дивизии по-прежнему занимались планомерной боевой подготовкой всего личного состава. Главное внимание обращалось на боевое взаимодействие мелких подразделений, как отделение, взвод, минометный и орудийный расчеты, в условиях лесисто-болотистой местности, на командирскую учебу и практику боевой стрельбы. Рабочий день был установлен продолжительностью в 14 часов, из них для работы по приведению в оборонительное состояние занимаемых рубежей —8 часов, на боевую подготовку —6 часов. Специальными приказами ставились конкретные задачи всем категориям военнослужащих и родам войск со строгим учетом их специфики. Тяжело было работать и учиться в сырости и грязи.

Однажды генерал посетил наш батальон. Моросил мелкий дождь, дороги так развезло, что были перебои с подвозом продуктов, но работа и занятия шли своим чередом.

При обходе расположения батальона генерал остановился у дневального, приветствовавшего его по-ефрейторски на караул, спросил:

— Как живешь, солдат? — и, заметив обидное смущение дневального при слове «солдат», добавил: —

Солдат — великое слово, мы все солдаты... Ну, как живешь? Расскажи.

— Хорошо, товарищ генерал,— бойко ответил дневальный.

— Как живут? — обратился генерал ко мне.

— Плохо, товарищ генерал...— Генерал не дал мне договорить, подтвердил, обращаясь к дневальному:

— Правильно ваш командир говорит, плохо живем. Разве во время войны хорошо живут?

— Хорошо живем, товарищ генерал,— настаивал дневальный.

— Нет, плохо,— убеждал генерал,— плохо живем. Разве хорошо, когда третий день без соли? Разве хорошо, когда вторые сутки без свежего мяса? Разве хорошо, когда целую неделю махорки нет? Разве хорошо, когда ботинки каши просят? Разве хорошо, когда в супе крупинка крупинку подгоняет? (Дневальный засмеялся.) Плохо, конечно, плохо. На войне, брат, хорошего мало,— на то война. Хорошо то, что мы, солдаты, как и наши предки, умеем переносить все трудности, побеждая тяготы и лишения боевой жизни, громим врагов. Бороться с холодом, голодом, лишениями — тоже война, тоже бой, требующий не меньше отваги, чем в рукопашном бою.

— Виноват, товарищ генерал, я просто не подумал,— сказал дневальный.

— Думать надо. С умом, сознательно преодолевать трудности.

Мы пошли дальше.

— Тяжела солдатская жизнь,— продолжал генерал,— слов нет, тяжела. Нужно солдату всегда правду говорить, а если он врет, то тут же его поправить, открыть ему глаза. Еще трудности впереди.

Принять бои под Ленинградом 316-й дивизии не пришлось. В связи с изменившейся обстановкой на фронте по приказу Ставки Главного командования дивизия была переброшена в распоряжение Западного фронта, на Волоколамское направление.

Летом 1941 года Красная Армия сорвала первую попытку гитлеровцев прорваться к Москве. Благодаря этому советский народ выиграл драгоценное время для более тщательной организации обороны Москвы и укрепления подступов к ней.

Провал авантюристической затеи с ходу прорваться к Москве несколько отрезвил гитлеровцев. Во всяком случае, они поняли, что для нового наступления на Москву потребуются значительные силы и тщательная подготовка. Верховное главнокомандование немецкой армии приступило к деятельной разработке плана операции по захвату Москвы, которая получила громкое название «Тайфун».

Для осуществления этого замысла противник стянул до 75 дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных, до одной тысячи самолетов, из них половина бомбардировщиков. Таким образом, к началу октября на Московском направлении противником была сосредоточена почти половина всех сил и боевой техники, имевшихся у него на советско-германском фронте.

Наступление немецко-фашистских войск на Москву началось 30 сентября ударом по войскам Брянского и Западного фронтов. Главные удары наносились на узких участках фронта, вдоль основных коммуникаций, ведущих к Москве. В районе Вязьмы, в районе Брянска значительная часть войск оказалась в окружении, остальным войскам пришлось отступить с тяжелыми боями.

В результате окружения противником значительных сил Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы и части сил Брянского фронта южнее Брянска на подступах к Москве создалась крайне опасная обстановка.

Москва совершенно неожиданно оказалась под непосредственным ударом врага. К моменту прорыва немецких танковых соединений через вяземский рубеж на всем пространстве до можайской линии обороны не было ни промежуточных оборонительных рубежей, ни войск, способных задержать наступление рвавшихся к Москве танковых групп противника.

Решительными мероприятиями, принятыми Государственным Комитетом Обороны и Ставкой, за короткое время был создан новый фронт обороны с новой группировкой войск. Этот новый фронт именовался «Можайской линией обороны». К 10 октября войска Западного фронта занимали оборону на Волоколамском, Можайском, Малоярославецком и Калужском направлениях с задачей не допускать прорыва вражеских войк на восток.

Волоколамское направление, на которое была переброшена наша дивизия, оказалось одним из главных направлений на подступах к Москве. В полосе под этим названием находились две крупные магистрали, ведущие к столице,— Ленинградское и Волоколамское шоссе.

На весьма широком фронте плотность обороны была жиденькой, готовность оборонительных работ по сроку — нереальной: войска успели лишь выйти к своим направлениям. Командование рассчитывало сначала занять оборону наличными силами, а впоследствии уплотнить боевые порядки за счет сил отходящих частей и свежих подкреплений из тыла.

Расчет расчетом, а реальность держала Панфилова в постоянной тревоге. В архиве сохранились его указания только командирам и комиссарам полков: «... в случае невозможности сдержать наступление противника на занимаемых оборонительных рубежах частям дивизии отходить только по моему письменному приказу...»

Учитывая горький опыт тяжелых отступательных боев, генерал создал в дивизии заградительный отряд из лучших, надежных командиров и бойцов во главе с капитаном Лысенко.

Этот отряд одновременно считался резервом командира дивизии и предназначался для выполнения ряда вновь возникающих или непредвиденных задач в ходе боя.

Как-то в это время наш батальон посетил генерал Панфилов и пешком прошел от правого до левого фланга, внимательно осматривая оборудованные нами сооружения. Затем приказал мне собрать бойцов. Когда все были в сборе, он разрешил сесть и курить, а сам опустился на пень и повел такую беседу:

— Я приехал к вам, товарищи, посмотреть, что вы тут делаете, и немного побеседовать с вами. Должен вам сказать, что вы работаете неплохо. Правда, я заметил, среди вас есть люди, работающие с ленцой. Я на них указывать пальцем не буду. Пусть их пожурят сами командиры отделений, их непосредственные командиры. Бойца от родного дома и семьи оторвала война. На войне крыша над его головой — это божье небо, дом для него в бою — окопы и траншеи, а семья — тот боевой коллектив, где он служит. Этот коллектив должен быть дружным, как хорошая семья. Большинство из вас люди семейные. И в семье бывают невзгоды и труд-

ности. Их легко одолевают, если семья дружная, если в доме установлен строгий порядок, определены место и роль каждого в быту и труде... Как вы сами убедились, казарма — это не санаторий, поход — это не прогулка, а поле боя — не парк культуры и отдыха. Военная служба всегда сопряжена с преодолением невзгод и трудностей. Учеба и поход требуют собранности, сознательной самодисциплины от каждого, сплоченности коллектива, постоянной боевой готовности и боеспособности. Мы готовимся к бою и подготавливаем для себя боевые позиции. Каждый боец должен служить и работать с прилежностью настоящего хозяина, строящего свой собственный дом. Надо оборудовать траншеи и ячейки так, чтобы можно было жить и воевать с удобствами. Воевать, товарищи, нам придется долго и крепко! Главная задача наша — побить врага умело и с меньшими, как только можно, потерями для нас. Немец воюет неплохо. Это мы испытываем на себе. Хорошо оборудованная позиция сбережет бойца от пуль и осколков. Чтобы боец сознательно выполнял свои задачи в общих интересах, он должен быть в курсе обстановки. Так как я газеты раньше вас получаю, радио слушаю и читаю другие бумаги, я хочу вам кратко рассказать, как у нас обстоят дела. На всех фронтах ведутся жестокие бои. На многих направлениях бои идут с переменными успехами. На некоторых направлениях наши войска под натиском противника, собравшего большую силу, отходят с боями. А наши резервы из глубины страны не успевают прибывать к линии фронта, чтобы помочь нашим товарищам, дерущимся с врагом. Но они скоро прибудут на фронт, как из далекой Алма-Аты прибыли мы. Предстоит нам решить нелегкую задачу. Мы обороняемся, а в обороне самое главное — остановить наступающего врага, удер-

жать занимаемые рубежи. А как удержать? Во всяком деле нужны организованность и крепкая дисциплина. Надо хорошо оборудовать свои позиции, чтобы устойчиво закрепиться и встретить противника сильным огнем. Разумеется, враг на рожон не пойдет. Он сперва проколошматит наши позиции снарядами и минами. Вот посмотрите на свои траншеи, ячейки и блиндажи, насколько они надежны, посмотрите, удобно ли вести со своих мест огонь. Отсиживаться мы не собираемся. Надо продумать, как маневрировать во время боя, передвигаться с одной позиции на другую, с одного фланга на другой. Передвигаться, конечно, не во весь рост на глазах у противника, а скрытно, по ходам сообщения. Говорю вам, товарищи, как старый красноармеец, что бой никому и никогда ничего не прощает. Всегда надо смотреть в оба... В бою кто кого побьет. Мы, конечно, хотим побить немца, потому что он враг. Он тоже нас хочет побить, потому что мы ему тоже не друзья. Кто кого? Побьет тот, кто себя хорошо подготовит к бою. Вот и готовьтесь, а как вы подготовились — первый бой покажет. Бой не знает пощады. Временные неудачи не должны поколебать волю к победе. Упрека заслуживает не тот, кто в стремлении уничтожить врага не достиг своей цели, а тот, кто, боясь ответственности, остался в бездействии и не использовал в нужный момент всех возможностей для разгрома врага. Ни один командир, ни один красноармеец не должен бояться того, чтобы самому проявить инициативу в бою, действовать смело и умело. Разумеется, инициатива должна быть проявлена строго сообразно с обстановкой. Она не должна идти вразрез наилучшему выполнению общей боевой задачи. Но, товарищи, самое главное — это организованность и дисциплина. У каждого коман-

дира и бойца должно быть непримиримое отношение к недисциплинированности. Сам будь дисциплинированным и товарища удерживай от всяких необдуманных проступков. В этом основа нашей сплоченности.

Затем, отвечая на заданные ему вопросы, генерал продолжал:

— Война без жертв не бывает. На войне убивают человека, калечат его. Это каждый знает хорошо и потому идет в бой сознательно, чтобы выполнить свой священный долг перед Родиной. В бою дóрог каждый воин. Место выбывшего невосполнимо. Каждый солдат — боевая единица. Берегите друг друга активными и умелыми действиями против врага как в обороне, так и в наступлении. Солдат идет в бой не умирать, а жить! Только активное и согласованное действие на поле боя сбережет тебя самого и твоих товарищей. Грудью в современном бою ничего не возьмешь, ничего не сбережешь. Только огнем и огнем отбивать атаки противника, только огнем и огнем можно сберечь бойца. Без хорошо оборудованной позиции, без исправного, безотказного оружия боец — это живая мишень. У каждого командира есть свое место в боевом порядке. Он не будет стрелять из твоей винтовки, сидеть в твоем окопе. То, что командир от тебя требует: держать в исправности оружие, добротно оборудовать окоп — делается для тебя, боец! Командир не хочет терять тебя в бою.

— И мы тоже не хотим терять командира в бою! — пробасил кто-то из задних рядов.

Генерал с улыбкой посмотрел на задние ряды, его морщины разгладились:

— Правильно говоришь, товарищ! Ну, с такими орлами и я орел!

Внешне кажется, что один бой похож на другой. Но внутреннее содержание боев определяется замыслом командира. Именно замысел командира предопределяет всю подготовку, организацию, планирование, управление боем. Замысел предопределяет стремление к достижению цели и способы действия, следовательно, и поведение людей в бою. Выработка замысла — творческая обязанность командира. Замысел должен быть всесторонне обдуманным и обоснованным в соответствии с конкретной обстановкой, с учетом всех реальных возможностей.

И замысел, как всякое творчество, требует поисков. Выработке замысла, как правило, предшествует уяснение задачи, т. е. определение места и роли в выполнении общей задачи вышестоящего соединения, и оценка обстановки, куда входят возможные варианты действия противника, состояние своих войск и расчет соотношения сил.

К выработке замысла И. В. Панфилов относился весьма серьезно. Он требовал свежих и новых данных о противнике, точной информации от своих соседей, уточняя задачи у высшего штаба, давал задания начальникам войск и служб, внимательно, с карандашом в руках, выслушивал их доклады и предложения. Его рабочая карта всегда была исчерчена нанесенной на ней обстановкой, исписана всякими таблицами и расчетами. Он не терпел противоречивых данных:

— Конечно, о противнике трудно иметь достоверно точные данные, но для разгадки нужны обоснованные предположения, а для обоснования вашего предположения имеющиеся данные недостаточны,— говорил он как-то,— да, да на основе этих данных я и не могу принять решение. Добывайте новые, более точные данные. Уточните еще разок по всем каналам разведки.

Поезжайте в штаб армии, поезжайте к соседям, пошлите людей в полки.

И. В. Панфилов часто говорил мне: «Я, батенька, командовать вашим батальоном или полком не собираюсь. Командуйте своим умом и умением. А посоветовать, если найду нужным, кое-что могу».

— Издать приказ — это полдела,— говорил Панфилов на одном совещании,— надобно проверить, дошел ли приказ до исполнителя? Если дошел, то правильно ли он уяснил свою задачу? Если он правильно уяснил свою задачу, правильно ли оценивает обстановку? Какое решение он принял? Насколько продуманно и обоснованно его решение? Приступил ли он к практическому осуществлению своего решения? Как он организовал обеспечение боя, взаимодействие у себя и с соседями? Все это требует тщательной проверки и контроля. Это не опека, а контроль, чтобы кто-нибудь и где-нибудь не сделал того, что противоречило бы общему замыслу старшего командира и не шло вразрез с выполнением общей задачи. Мы доверяем всем командирам, но доверие не исключает контроля.

При очередном посещении нашего батальона И. В. Панфилов не спеша, внимательно ознакомился с моим решением — планом действия на случай боя. На столе лежала вычерченная старшим адъютантом батальона Рахимовым схема.

— Мм-да! — произнес генерал, стуча тупым концом карандаша по столу.— Вроде все у вас на бумаге резонно получается: боевое охранение выставлено далеко впереди от переднего края.

— Это продиктовано условиями местности, товарищ генерал.

— Вижу, вижу. Сумеют ли они вовремя отойти?

— В зависимости от силы противника. Он может с ходу смять.

— Смять, говорите? Да, действительно, когда взвод начнет отходить и пока пройдет эти три-четыре километра, враг, преследуя, всех положит огнем в затылок. Далековато получается.

— Самый выгодный рубеж на этом направлении.

— Это понятно. Рубеж-то выгодный, а воевать невыгодно. Вы заранее этот взвод обрекаете на верную гибель. Что маленькая кучка людей на таком большом отрыве от переднего края может сделать? Вы же им ничем отсюда не можете помочь.

— Да, товарищ генерал.

— Вот тут, в тылу позиции боевого охранения, уступом вырисовываются две сопочки. Почему бы вам туда не выдвинуть пару пушек, два станковых пулемета? Они бы своим огнем прикрыли отход боевого охранения. Как вы на это смотрите?

— Тянешь, тянешь, товарищ генерал, и никак не растягивается.

— Тянешь! — передразнил он меня.— Конечно, тянуть приходится, ведь мы растянулись всей дивизией в ниточку. Но без поддержки людей оставлять так далеко нельзя.— Он наклонился над картой и, циркулем измерив расстояние, продолжал: — Вот видите, оказывается, можно дать перекрестный огонь. Боевое охранение даст бой, а этим — молчать, ни в коем случае не обнаруживать себя. Противник развернется. Ведь задача-то боевого охранения как раз и заключается в том, чтобы заставить противника преждевременно развернуться. Не так ли?

— Так, товарищ генерал.

— Боевому охранению не под силу уничтожить

противника. Выполнив свою задачу, оно должно отойти. Не так ли?

— Так и предполагалось, товарищ генерал.

— Предполагалось-то одно, а как располагалось-то?.. Нет, займите эти две сопки. Открывать огонь оттуда лишь тогда, когда боевое охранение начнет отходить. Под прикрытием перекрестного огня с этих двух сопок можно организовать отход уверенно, а дальше действовать по обстановке: пусть боевое охранение вот с того рубежа,— генерал указал на карте место позади сопок,— в свою очередь огнем прикроет отход этих,— генерал указательным пальцем ткнул на обе сопки,— так, перекатом, взаимно прикрывая друг друга, люди могут прийти сюда,— генерал показал на ближние подступы к переднему краю.— Ну, потом вы уже сами можете поддержать их.

Далее генерал внес ряд обоснованных уточнений в наш план.

— Вы все время ходите с фланга на фланг только внутри своего батальонного района,— сказал, одеваясь, генерал.— Правда, у вас участок большой. Но не забывайте о своих соседях. Денек побудьте у правого, денек — у левого. Посмотрите, поучитесь у них хорошему, договоритесь по-товарищески между собой, как действовать сообща, как помогать друг другу. Ведь в бою беда соседа — это ваша беда.

Все указания генерала были приняты к исполнению. Они нам впоследствии в боях очень пригодились.

Помню, в начале октября я был вызван в штаб нашего полка в деревню Новощурино. Подъезжая к дому, где размещался командир полка, я увидел генеральскую «эмку». Около сельской школы стояла группа командиров и политработников. Кто-то из группы

поманил меня рукой. Я пустил коня крупной рысью. В это время из дома вышла группа офицеров во главе с генералом Панфиловым. Я на ходу соскочил с коня, передавая поводья коноводу.

— Кроме вас, все в сборе,— пробурчал начальник штаба полка,— скорей. Видите, генерал уже идет.

Мы расселись за партами класса. Вместо учительского столика стоял какой-то большой стол, накрытый скатертью, и несколько табуреток.

— Товарищ генерал! Командно-политический состав полка по вашему приказанию собран,— доложил начальник штаба полка.

— Садитесь, товарищи командиры,— послышался хрипловатый голос Панфилова.

Панфилов сел за стол и жестом пригласил к себе командира и комиссара полка. Адъютант генерала развернул перед ним большую топографическую карту. Генерал, разгладив карту, положил перед собой карманные часы. Он был в кителе, без головного убора. В коротко остриженных волосах поблескивала иглистая седая щетинка.

— Наша дивизия,— начал он, склонившись над картой,— как вам известно, занимает оборону на весьма широком фронте. Собрать весь комначсостав одновременно не представляется возможным. Поэтому приходится мне подобные совещания комначсостава проводить по полкам. Вот сегодня приехал к вам.— Он поднял голову и, сощурив глаза, посмотрел на аудиторию так, словно кого-то искал.— То, что я вам сообщу, прошу не записывать... Противник прорвался в районе Вязьмы, Гжатска. Наши войска ведут сдерживающие бои...— очень кратко, минут за пять-семь, генерал ввел нас в общую обстановку на фронте, затем, немного помолчав, заключил: — Как видите, товарищи, наши

войска сражаются, и сражаются неплохо: сковывают большую и сильную группировку войск противника. Однако в скором времени, надо полагать, фронт приблизится к нашим рубежам.

Наша дивизия входит теперь в состав 16-й армии Западного фронта. Командующий армией — генерал-лейтенант товарищ Рокоссовский Константин Константинович. Член Военного совета армии — дивизионный комиссар товарищ Лобачев Алексей Андреевич. Начальник штаба армии — генерал-майор товарищ Малинин. Я так перечисляю, чтобы вы знали наше начальство. Мы с комиссаром дивизии товарищем Егоровым были в штабе армии. Представились. Доложили, как у нас обстоят дела, а вы сами знаете, как у нас обстоят дела: фронт широкий, местность за это время мы с вами изучили, можно сказать, окопались, расставили мины — и вот ждем противника. Пока у нас чрезвычайных происшествий нет. Настроение у нашего народа бодрое. Люди хотят драться. Это самое главное, а остальное, как говорится, дело наживное. Вот так и доложили. В составе армии есть и другие соединения и части кроме нашей дивизии, но, как я понял, командующий отводит нам первостепенную роль и на нас возлагает большую надежду...— тут Панфилов запнулся и сделал паузу.

«Значит, другие на фронт еще не прибыли»,— невольно подумал я.

— И на нашем рубеже бои могут начаться в ближайшие дни,— продолжал Панфилов.— Мы не должны сидеть сложа руки, чтобы противник застал нас врасплох. Каждый полк, каждый батальон должен знать, где находится противник. Довольно отсиживаться, товарищи, линия фронта с каждым днем все приближается и приближается. Если противник не идет —

значит, дерущиеся впереди наши части его не пускают. Но имейте в виду, что местами сплошного фронта нет. По отдельным направлениям есть широкие разрывы между нашими частями, а некоторые полки и дивизии ведут бои в условиях окружения. Следовательно, мы ни на один день не гарантированы, что противник не появится перед нашим фронтом, и должны принять все меры, чтобы предотвратить внезапное нападение врага на наши позиции. Как это сделать? — поставил вопрос генерал.

Все сидящие посмотрели на него.

— А вот как мне сдается: если он не идет к вам, идите вы к нему.— Видимо, уловив чей-то удивленный взгляд, Панфилов, усмехнувшись, продолжал: — Да, да, идите к нему, и узнайте, где он и когда собирается пожаловать к нам. Линия фронта отсюда местами километров двадцать, местами тридцать, на отдельных направлениях сорок-пятьдесят километров. Надо выделить группу разведчиков и послать их с заданием: идти вперед до тех пор, пока не встретится противник. Хорошо было бы, если бы эти разведчики не только узнали, где находится противник, а прихватили «языка».— Тут генерал внезапно остановился, как бы испугавшись собственных слов.— Пожалуй, это палка о двух концах. Нет, нескладно выйдет, если мы, еще не вступив в бой, будем давать противнику своих «языков». Пусть разведчики, пользуясь складками местности и темнотой, наблюдают за противником, пусть хорошенько расспросят местное население. И этого пока достаточно.— Дальше генерал, учитывая боевой опыт, уже накопленный нами в войне с гитлеровской армией, давал тактические указания на возможные случаи и положения,— указания, которые впоследствии очень нам пригодились.

— На переднем крае все должно быть приведено в полную боевую готовность. Это не значит держать день и ночь всех на ногах. Надо дать людям и отдых, надо беречь силы бойца для боя. Это значит: всем быть готовыми к открытию огня по первому сигналу. Вы сами знаете, что идут дожди, почву развезло. Нам трудно приходится работать и передвигаться, но трудно будет и противнику. Противник, по всей вероятности, будет привязан чаще всего к дорогам,— обратите особое внимание — к дорогам и безлесным пространствам. Дороги и безлесные пространства, пожалуй, не следует занимать сплошными боевыми порядками, а перекрывать их плотным перекрестным огнем, эшелонируя огневые точки в глубину и таким образом создавая, если так можно выразиться, «огневые мешки» на отдельных наиболее важных направлениях. Надо все дороги оседлать огнем.

В случае вклинения противника в боевые порядки сначала обложить его огнем, а потом выбить короткой контратакой. В случае прорыва и выхода противника во фланг — прикрыться огнем. Этим самым вы будете его сковывать.

Обстановка может вынудить нас к отходу. Это не исключено. Без приказа старшего командира отход запрещен. Это вы все знаете. Отходите к следующему рубежу, организуя выход из боя основных сил под надежным прикрытием. Противник далеко в сторону от дороги не пойдет. Главные его силы будут стремиться прорваться по шоссейным дорогам, а вспомогательные — по проселочным. Повторяю, товарищи, что он будет привязан к дорогам, в лесах и болотах ему делать нечего.

Не исключена возможность, что некоторым нашим подразделениям придется вести бой в условиях окру-

жения. Поэтому заранее надо в основных опорных пунктах подготовить круговую оборону.

Через линию нашего фронта за это время, что мы здесь находимся, проходили многие воины — «выходцы» из окружения. Я встретил одного командира батальона. «Командир разбитого батальона»,— представился он мне. «От каждой разбитой посуды бывают осколки, от разбитых горшков остаются черепки,— говорю я ему и спрашиваю: — Где же остатки вашего батальона?» «Большинство погибло в боях, остальным было приказано выходить из окружения мелкими группами»,— отвечает он. «Где эти мелкие группы, почему вы не собрали их на нейтральной зоне, где нет ни противника, ни наших? Ведь все же шли в одном направлении?» — спрашиваю я. «От группы в восемь человек, которые шли со мной, я в одной деревне отбился. Вот и иду один»,— отвечает он, а потом с обидой добавил: «Люди разбежались, товарищ генерал». Не люди разбежались, а вы их распустили... приказать выходить из окружения мелкими группами — это значит распустить людей. Это значит бросить каждого бойца на произвол судьбы». Так я ему и сказал... Если кто-нибудь из вас останется в окружении (конечно, со стороны старшего командования будут приняты меры), выходить из него надо организованно. Одиночек и мелкие группы противник будет ловить, как куропаток. Противник наступает, а мы обороняемся. Пока инициатива принадлежит противнику. Он нам, конечно, не скажет, когда и откуда нас стукнет. Поэтому, товарищи, разведка, наблюдение, постоянная боевая готовность — это наша первейшая задача. Я вам здесь дал ряд своих указаний, а как реализовать эти указания на местах, претворить их в жизнь в бою, зависит от вас, непосредственных исполнителей. Знаю, что в бою

не все и не всегда выходит, как замышлялось, тем более, что машина нашей дивизии еще «не обкатана». Подумайте, поразмыслите, посоветуйтесь между собой. Я думаю, что противник не заставит нас долго ждать. Скоро начнутся бои. У кого есть ко мне вопросы?

Действительно, это было последнее совещание перед боями. Мы приступили к исполнению указаний генерала. Как это делалось, видно хотя бы из следующего эпизода.

В двадцати километрах от нас лежало село Середа. Судя по карте, это село было узлом дорог. Километрах в двух-трех от села была роща. Наши разведчики целый день провели в этой роще, наблюдая за селом. По их наблюдениям и рассказам жителей, уходящих от немцев, было выяснено, что Середа — это перевалочный пункт какой-то дивизии противника. Туда привозили продовольствие, боеприпасы и горючее. Там останавливались на ночлег или на большой привал проходящие части и подразделения противника. Движение в основном было родарного порядка, то есть параллельно фронту... Когда об этом доложили командованию полка, было приказано совершить ночной налет на Середу, поджечь вражеские склады, захватить пленных, заминировать дороги к подступам села. Особенно на этом горячо настаивал комиссар полка Петр Васильевич Логвиненко. Выполнение этой задачи возлагалось на наш батальон. Был сформирован отряд из 120 человек, командиром которого назначили старшего лейтенанта Хаби Рахимова, а политруком — участника финской войны Джалмухаммеда Бозжанова.

Командир и политрук отряда с группой конных разведчиков отправились на рекогносцировку. Вернувшись к полудню, они доложили, что все подтвердилось: в Середе действительно перевалочный пункт. По их

мнению, охрана несерьезная. Было принято решение напасть на село в эту же ночь. Чтобы сохранить силы бойцов и выиграть время, мобилизовали все повозки батальона. С наступлением темноты отряд выступил.

Достигнув рощи, дальше пошли пешим порядком, оставив повозки и коней в лесу. Глухой ночью отряд с трех сторон ворвался в Середу. Застигнутые врасплох немцы не оказали серьезного сопротивления. Наши подожгли склады, заминировали дороги, захватили пленных и благополучно вернулись к рассвету.

Подобные вылазки проводились и в других полках, и это серьезно встревожило противника: он усилил охрану. А показания захваченных нами пленных очень пригодились генералу Панфилову, подтвердили его предположение о том, что главный удар противник нанесет на левом фланге, вспомогательные — в центре и на правом фланге. Исходя из этого, основные силы дивизии были сосредоточены на левом фланге, там и были эшелонированы в глубину противотанковые узлы и оставлены резервы, правда, очень скудные — порядка одного батальона,— а сам Панфилов с оперативной группой штаба переехал на левый фланг.

Разведгруппа левофлангового полка под командованием лейтенанта Мендыгазина установила, что в ночь на пятнадцатое октября противник подтянул до ста танков, до сотни машин с мотопехотой и артиллерию. Получив такую информацию, Панфилов прибыл на командный пункт полка вместе с его командиром полковником Капровым, тщательно изучил обстановку, побывал на переднем крае, где вероятнее всего должен был быть главный удар противника, дал дополнительные указания и советы командирам, поговорил с бойцами.

— С танками надо вести борьбу всеми имеющимися средствами,— говорил генерал.— Передний край и весь четырехкилометровый противотанковый ров плотно прикройте противотанковыми минами.

— Расставлено более тысячи двухсот мин,— докладывал полковник Капров.

— Надо еще раз, Илья Васильевич, посмотреть, как расставлены противотанковые орудия и станковые пулеметы. Подготовьте им несколько запасных позиций как по фронту, так и в глубину — для маневра. Если они будут вести огонь только с одной, основной позиции, противник после обнаружения перещелкает их, как орехи. Они не должны сидеть на одном месте. Пулеметы пусть отсекают пехоту от брони главным образом фланговым и перекрестным огнем.

— Так и замышляется, товарищ генерал.

— Еще раз проверьте, Илья Васильевич,— настаивал генерал. Отпустив полковника Капрова, генерал Панфилов обратился к сопровождавшему его помощнику начальника оперативного отдела лейтенанту Колокольникову, призванному из запаса, известному в Казахстане художнику, спортсмену и альпинисту.

— Евгений Михайлович, пишите.

Колокольников приготовил для записи полевую книжку, а Панфилов, склонившись над развернутой топографической картой, диктовал:

«...Для усиления стрелковой роты, обороняющей район Дьяково, Карачаево, по реке Искони дополнительно выбросить туда еще одну стрелковую роту, усилив ее противотанковыми орудиями и станковыми пулеметами... Кроме того, еще одну усиленную стрелковую роту иметь в резерве, сосредоточить в районе Сославино, затем контратаковать в направлении совхозов Булычево и Карачаево. Отдельной танковой ро-

те сосредоточиться в районе леса восточнее Шульгино, подготовить и занять для обороны район южнее окраины Зекино, Токарево. При прорыве танков противника уничтожить их огнем с места... Быть в готовности совместно с резервами батальона контратаковать в направлении совхозов Булычево, Карачаево...» * Все, что я вам продиктовал, приведите в нормы русского языка и оформите, как приказ. Пошлите с нарочным офицером штаба, чтобы он проверил выполнение этого приказа.

Генерал Панфилов, сев на коня, уехал к левому соседу дивизии для уточнения некоторых вопросов взаимодействия.

С утра 15 откября 1941 года на левом фланге дивизии начались бои. На позиции полка Капрова посыпались мины и снаряды. Артиллерийская подготовка противника длилась около часа. Затем — мертвая тишина. Гул, рев моторов — на горизонте показались танки, а за ними пехота... Чтобы не отрываться от пехоты, танки шли на малых скоростях. Когда они приблизились к переднему краю, некоторые из них окутались густым черным дымом взрывов.

— Противотанковые мины сработали! — сказал Панфилов, наблюдая за полем боя в стереотрубу.

Ожил наш передний край, заговорили противотанковые пушки и станковые пулеметы. Танки противника начали вести огонь с места. Пехота, следовавшая за ними, залегла. Началась настоящая огневая перебранка. Кругом гудело и трещало, бурлило и взлетало черными столбами разрывов... Танки противника метались, скрежеща гусеницами, вдоль противотанкового рва, но, натыкаясь на мины, горели и вертелись

* Архив МО СССР, ф. 783, д. I, л. 9.

волчком на одном месте. Немцы подымаются для броска вперед, но тут же залегают, прижатые к земле длинными очередями перекрестного огня пулеметов... Гул, треск постепенно начинают идти на убыль.

— По-моему, Илья Васильевич,— говорит Панфилов, все еще не отрываясь от стереотрубы,— первая атака противника захлебнулась.

— Но он же не отошел, товарищ генерал,— замечает полковник Капров.— Видите, как он колошматит наш передний край...

— «Колошматит»,— поддразнивает Панфилов.— А что ему делать? Что ему делать-то? Конечно, будет колошматить. Он часа два-три назад грозно ревел, угрожающе рычал, а теперь, побитый, злобно огрызается... Для начала это неплохо, Илья Васильевич,— Панфилов отрывается от стереотрубы, устало садится на скамеечку и, немного подумав, продолжает: — Участь сегодняшнего дня для противника предрешена. Первый эшелон его захлебнулся, его боевой порядок расстроен, на наших глазах и под нашим огнем он перегруппироваться не сможет, а свой второй эшелон при таком положении в бой не введет. Держите его так до самого вечера, Илья Васильевич, чтобы он не мог идти ни вперед, ни назад...

Обсудив с командиром полка дальнейшие возможные действия противника и наметив контрмеры, Панфилов переподчинил ему все свои резервы в этом районе и выехал на основной командный пункт дивизии.

— Немедленно организуйте эвакуацию раненых, похороны убитых, пополнение боеприпасов,— сказал он на прощание.— Ночь используйте на перегруппировку и на разведку. Завтра вашему полку предстоит жаркий день. Кое-что я вам подброшу, как мы с вами

договорились. Ну, будьте живы, Илья Васильевич, желаю вам успехов!

По дороге Панфилов сделал часовую остановку у меня на командном пункте, поужинал, ввел меня в обстановку, рассказал, как шли бои у Капрова.

Противник не изменил направления своего главного удара. Перегруппировав силы и средства, он все теснил и теснил полк Капрова в северо-западном направлении. Дальнейший ход боев нам был известен по информациям штаба и политотдела дивизии. Мы знали, что на левом фланге дивизии идут тяжелые бои, что генерал Панфилов с оперативной группой штаба снова вернулся на левый фланг и лично управляет боями. Офицеры рассказывали мне отдельные эпизоды боев. Некоторые из них я сейчас воспроизведу.

Под совхозом «Булычево» шестая стрелковая рота под командованием старшего лейтенанта Маслова и артиллерийский дивизион под командованием младшего лейтенанта Снегина в течение двух суток отбивали атаки двух батальонов пехоты противника, поддержанных танками. Боец Тлеукабылов противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью уничтожил три танка противника. Наводчик орудия Терехов подбил три танка противника и сам погиб. Комсорг полка Балтабек Джетпысбаев, находясь на участке этой роты, гранатой подбил один танк противника... Рота и дивизион отошли на следующую позицию лишь по приказу, когда обороняемый ими опорный пункт был обойден противником с обеих сторон. Заняв новые позиции, они снова встали преградой перед наступающим противником.

Начальник штаба полка капитан Манаенко и командир батальона старший лейтенант Райкин вместе с группой красноармейцев попали в окружение, вели

борьбу не только с пехотой, но и с танками, уничтожив гранатами несколько танков, бойцы погибли в горящем доме.

Мы знали, что резервы полка несколько раз удачно контратаковали прорвавшегося противника, отбрасывая его на исходные позиции.

Мы знали, что полк Капрова, приняв на себя удар огромной силы, оказался в очень сложном положении. Бывали случаи, когда противнику удавалось прорваться в нескольких направлениях, расчленить боевые порядки. Но разрозненные подразделения и группы вели самостоятельные бои, отходили вдоль дорог к следующему рубежу. На новом рубеже снова восстанавливалось нарушенное управление. Выходя из немецкого тыла, каждая группа, каждый воин разыскивали свою часть, пополняя боевые ряды на новом рубеже...

Осеннее утро. Хмурое утро. Лужи подернулись тонкой коркой льда. Батальон в строевом ритме шагает по улице просыпающегося города.

Только что из теплой постели, торопливо прикрыв плечи, женщины смотрят из настежь распахнутых окон. Они встревожены, и в их глазах удивление. Чему удивляться? Я оборачиваюсь: идут стройные колонны по четыре в ряд, рота за ротой. Нас шестьсот. Между колоннами, по два, по четыре, цокая копытами по мостовой, тридцать шесть пар коней тянут орудия, зарядные ящики, двуколки, повозки. Строй замыкает широкая санитарная линейка с облепленной грязью эмблемой Красного Креста на ящике.

Усталые, с воспаленными от бессонницы глазами и обветренными лицами, с потрескавшимися губами и поросшими жесткой щетиной щеками идут люди в строю. На плечах — русские винтовки. Серые от утрен-

него морозца штыки лесом колышутся над колонной. Шаги не дробят, а тяжело, равномерно отчеканивают по мостовой.

Кажется, под тяжестью строевых шагов растянувшейся колонны прогибается улица, качаются дома...

— Запевай! — командую я.

Толстунов дергает меня за рукав и шепчет:

— Что ты, комбат?

— Запевай! — повторяю я, как бы отвечая ему.

— Запевай! — повторяют команду ротные командиры и слышится подсчет:

— Ать, два! Ать, два...

Слушай, рабочий,
Война началася:
Бросай свое дело,
В поход собирайся! —

простуженно, хрипло начинает запевала первой роты и... вдруг его голос срывается на последней ноте куплета. Тут же, не давая умереть сорвавшемуся звуку, подхватывает басом его сосед:

Рвутся снаряды,
Трещат пулеметы,
Но их не боятся
Красные роты!..

Он поет подчеркнуто, держа ритм песни под левую ногу.

— Вот это голосище! — говорит мне Толстунов, улыбаясь. — Прямо как Михайлов.

Строй хором подхватывает припев:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это.

Городок, недавно казавшийся мертвым, от эха многоголосого припева быстро оживает. Люди выходят на улицу, угрюмо смотрят на нас. Некоторые, удостоив нас коротким взглядом, снова уходят домой, огорченные и подавленные.

— Как тяжело! — в голосе Толстунова слышится обида.

— Что ж, товарищ старший политрук, им же больно смотреть на нас, отступающих,— отвечает ему Бозжанов.— Ведь отсюда до Москвы — рукой подать.

Высыпавшая на улицу детвора сначала робко прячется за спинами плачущих матерей, но потом смелеет, выбегает на середину улицы и целой ватагой идет с нами рядом, подражая солдатскому строю.

Колонна идет, колонна поет...

Мы проходим мимо открытых настежь дверей магазинов, мимо наваленной на тротуаре битой посуды, кусков тканей, готовых платьев и разных других товаров... Проходим мимо свежих развалин и пепелищ сгоревших домов...

Мы идем по улице, пострадавшей от вражеской бомбежки, и поем.

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

Эта октябрьская песня 1917 года через четверть века, в осеннее утро октября 1941 года, звучит гимном, и ее последние слова: «И, как один, умрем в борьбе за это»,— повторяются поющими, как клятва...

От группы женщин, стоящих у крыльца маленького домика, построенного в екатерининском стиле — с арочками, балкончиками, нишами, маленькими оконцами,— отделилась седая женщина. Она шла прямо к нам. Ее старомодное платье с кружевами на воротнике

и рукавах потеряло былую свежесть. С ее плеч сползал теплый пуховый платок. Она торопливо подошла к нам, идущим в голове колонны, и, семеня с нами рядом, обратилась с дрожью, со слезами в голосе:

— Миленькие, родненькие, откуда вы идете?

— С войны идем, мамаша, с войны...— ответил ей Бозжанов.

— А немец скоро придет сюда?

— Завтра-послезавтра, мамаша... Но вы не беспокойтесь, мы его здесь встретим как следует...

— Вчерась раненько он здесь бомбил,— она указала на разрушенные дома.— Один раз аж в церковь угодил. Вот безбожники проклятые, даже церковь не пожалели! Бомбят, басурманы, бомбят...

— Откуда знать старухе, что многие из нас мусульмане? — сказал я по-казахски Толстунову.

Услышав незнакомый говор, старуха пристально посмотрела на меня и нерешительно спросила:

— А вы-то наши?

— Конечно, ваши, мамаша. А чьи же, думаете? — смеясь, ответил ей Бозжанов.

— Наши черномазые казахи и киргизы,— шутил Толстунов,— да и русских тут немало. Разве не видите? Своих не узнаете?

— Да сохранит вас бог, наши защитники,— сказала старуха, вытирая слезы концом головного платка.

Мы с песней прошли по главной улице города Волоколамска.

Вот и окраина города, а вот и пригородная деревня Возмище. Брызнул холодный дождь.

Впереди, во дворах, показались люди в военной форме. Они тоже удивленно смотрят на нас. Мы идем...

Возле чисто выбеленного домика с дощатым забором кто-то меня окликнул. Я обернулся. Ко мне бежал

молодой розовощекий лейтенант, адъютант генерала Панфилова.

— Здравствуйте, товарищ старший лейтенант,— запыхавшись, с радостной улыбкой обратился он ко мне.— Вас просит генерал.

Поручив начальнику штаба Рахимову вести батальон дальше, я вышел из строя, остановился в стороне. Роты по-прежнему, как и в городе, шли стройно за своими командирами. Дождь моросил бойцам прямо в лицо. Они не защищались, шли с поднятой головой. В глазах мелькал еле уловимый блеск радости путника, выполнившего свой долг и вернувшегося издалека к своим близким. Да, мы прошли сквозь бои, пробираясь по тылам противника к своим товарищам, к нашим. Мы пришли. Мы совершили то, что еще прошлой ночью казалось несбыточной мечтой. Все пережитое нами за эти дни теперь осталось позади...

— Сюда, сюда, товарищ старший лейтенант,— заботливо указывает мне калитку адъютант.

Пройдя через сени, я открыл низкую дверь и приготовился по форме доложить, но генерал Панфилов не дал, как говорится, и рта раскрыть: быстро шагнул навстречу, взял мою руку обеими руками и, тепло, по-отечески пожимая ее, тихо сказал:

— Смотрю в окно: войска идут. Откуда, думаю, столько? Вдруг в голове колонны узнал вас. Признаться, сначала не поверил своим глазам. Вы меня очень обрадовали, товарищ Момыш-улы, очень обрадовали... Хорошо, что пробились...

Я был смущен приветливой речью генерала, его радостью, его отеческой лаской после долгой и трудной боевой разлуки. Все это было очень неожиданно. Я шел в тревоге, думал: генерал с меня взыщет за то, что я потерял с ним связь в дни боев, потерял связь с со-

седями, со своим командиром полка, вел бои в одиночку, оказался в тылу врага. Мне казалось, что генерал, узнав о нашем прибытии, вообще не удостоит меня встречи, прикажет майору Елину, командиру полка, отстранить меня от командования батальоном, а быть может, и разжаловать. Или — это в лучшем случае — вызовет к себе и... Я, конечно, не допускал мысли, что генерал будет кричать на меня. Никогда мне не доводилось видеть его в запальчивости. Нахмурив брови, чуть громче и отчетливее, нежели обычно, сделает замечание, и эти слова будут жечь больнее окриков...

— Садитесь, товарищ Момыш-улы,— генерал указал на стул, стоящий у покрытого топографической картой стола.— Чаю не хотите? — И, не ожидая ответа, он приоткрыл дверь и кому-то приказал принести чаю.

Генерал за то время, что я его не видел, очень похудел и ссутулился, отчего стал как будто еще меньше. Ворот его кителя топорщился, словно был номера на два больше нужного, брюки с лампасами висели, как шаровары. Лицо загорело, морщины углубились, на коротко остриженной голове ежилась седина, нос и подбородок заострились, всегда аккуратно подстриженные квадратиком усы торчали пучком. Генерал впервые показался мне стариком.

Тут я вспомнил своего покойного отца, такого же малорослого, сутулого и седого. Вспомнил нашу с ним последнюю встречу в 1938 году, ради которой я преодолел сопки Приморья, леса Уссури, полоску вечной мерзлоты в Сковородино и Волочаевки, Амур и шестьдесят тоннелей на берегу Байкала, горы и равнины Сибири... Дальняя и трудная дорога наконец привела меня к родному аулу у подножия Киргизского Алатау, привела на последнее свидание с самым родным мне человеком — старым моим отцом. Вспомнил, как он

дрожащим голосом, не спрашивая у меня ничего, говорил нашим домашним: «Скорей поставьте самовар, пошлите в отару за бараном, стелите мягче сиденье»,— как будто я ехал голодным и «сначала надо накормить проголодавшегося ребенка». Да, несмотря на дальнюю и трудную дорогу, я каждый год приезжал из Дальневосточного края домой в отпуск, изголодавшись по ласкам отца, по старомодному пузатому самовару: я приезжал, чтобы есть мед отцовской ласки и пить чай из вкусной чистой воды нашего родника, из той самой воды, которой впервые меня купали и поили...

— Рассказывайте, товарищ Момыш-улы,— прервал мои воспоминания генерал.—Много людей потеряли?— Но тут же виновато перебил себя: — Простите, пожалуйста. Есть ли на вашей кухне продукты?

Я ответил, что двое суток в наших походных кухнях ничего не варилось. Генерал резко встал, поднял телефонную трубку и приказал немедленно накормить мой батальон горячей пищей и устроить на отдых.

Вернувшись на свое место, генерал протянул мне открытый портсигар, повторил свой вопрос:

— Много людей потеряли?

Я доложил о потерях.

— А раненых вывезли?

— Они здесь, товарищ генерал.

Генерал снова поднял трубку и приказал начальнику штаба доложить в штаб армии о том, что мой батальон прибыл, пробившись из тыла противника.

— Так и доложите, Иван Иванович, что батальон не пропал, как мы считали, в Волоколамск прибыл организованно, с артиллерией и обозом.

Эти слова генерала окончательно успокоили меня, и я осмелился перебить его:

— Товарищ генерал, из шестисот человек девяносто не наши, мы их подобрали по дороге.

Генерал сделал знак, чтобы я не мешал ему слушать: он принимал по телефону доклад начальника штаба, поглядывая на развернутую карту.

— Нет, нет!— вдруг запротестовал он.— Я не верю этому спокойствию. Запросите еще раз, Иван Иванович, уточните... Перед бурей всегда тихо.

Положив трубку, генерал склонился над картой, неторопливо сделал карандашом несколько пометок. Хмурый, постукивая карандашом о стол, он повторил задумчиво:

— Да, да... так, так...

Затем, спохватившись, он взглянул на меня:

— Что вы хотели сказать, товарищ Момыш-улы?

Я рассказал о том, что к нам поодиночке или группами присоединились по дороге девяносто бойцов и сержантов, что некоторые из них шли от самой границы, что я их вел почти под конвоем, отдельной колонной. В этом месте моего доклада генерал недовольно нахмурил брови, перебил:

— Я так не думаю, товарищ Момыш-улы, как вы. Кто такие бойцы, в одиночку пробивающиеся из окружения! Наши люди, части которых разбиты. Красноармеец пробирается к своим — один: без командира, без товарищей, предоставленный самому себе, беззащитный, голодный... Это честные люди, товарищ Момыш-улы, преданные нам, и идут они к нам потому, что не хотят оставаться с врагом. Они наши люди.

Я устыдился за свои резкие слова об этих солдатах и сержантах при докладе генералу, мне стало больно за свои строгие действия по отношению к ним во время похода. Я вспомнил: когда приказал построить их отдельной колонной и приставить к ним несколько бой-

цов из нашего батальона, один высокий, смуглый детина в форме пограничника запротестовал и бросил мне в лицо: «Что мы, товарищ старший лейтенант, пленные, что ли?» Я хотел было на него крикнуть, но другой, переодетый в гражданское платье, добродушно сказал ему: «Ничего, Иван Митрофанович, слава богу, что хоть к своим в плен попали».— «Ладно,— согласился пограничник,— лишь бы через фронт перейти, а там снова оружие дадут, снова воевать будем».—«А где твое оружие?» — все-таки крикнул я на него. «Вот,— сказал он, вытащив из-за пазухи револьвер, и, вертя его на ладони, добавил: — Только два патрончика осталось, месяц берегу на всякий случай. Думалось, что в случае чего: один — для немца, другой — для себя»,— и он снова сунул револьвер за пазуху.

Об этом эпизоде я вначале забыл доложить генералу, а теперь просто не хватило духу, утаил.

— Я с ними неоднократно встречался и разговаривал, как старый солдат, отношусь к ним с большим уважением,— продолжал генерал.— Это волевые, сильные люди. Ведь они, представьте себе, тысячу раз имели возможность сдаться в плен или просто остаться на оккупированной территории, но они идут, испытывая невероятные лишения и на каждом шагу рискуя жизнью. Идут, чтобы снова встать в строй. Не от войны бегут, а к войне идут, потому что сердцем своим верят в нашу победу. Вы сделали правильно, что не дали им разбрестись по деревням, собрали их и привели... Ну, рассказывайте дальше, товарищ Момыш-улы.

Его «рассказывайте» я принял за деликатное «аудиенция заканчивается». Во время беседы я не раз уже ловил себя на мысли, что не имею права злоупотреблять вниманием такого занятого человека, как Панфилов. Мне думалось, что и здесь, на подступах к городу,

не сегодня-завтра ожидаются тяжелые бои, генералу, естественно, сейчас не до меня. И я решил доложить как можно короче.

— Двадцать третьего октября вечером...— начал было я, перескочив через неделю.

— Нет, батенька, погодите вы с вашим двадцать третьим,— перебил меня генерал.— Начинайте от Житахи и Синькова, вот они,— показал он эти пункты на карте.— Помните нашу спираль-пружину? Как она действовала у вас? Вот с этого и начинайте.

Я доложил о боевых действиях двух взводов под командой лейтенантов Донских и Брудного и об их личных подвигах. Лейтенанта Донских, который в бою получил девять ранений и оставался в строю, генерал приказал представить к награде и просил написать письмо его родным. Про лейтенанта Брудного генерал слушал молча, но неспокойно. Он вынул из кармана часы и, не взглянув на них, стал гладить большим пальцем правой руки стекло. Этот жест ничего хорошего не предвещал. Доложив подробно обо всем, что случилось с этим лейтенантом, я замолчал. Генерал тоже молчал. Он положил часы на стол, подвинулся ко мне и наконец тихо, как бы рассуждая с самим собой, заговорил:

— Требовательность и жестокость — два разных понятия. Требовательность для солдата—закон. А жестокость — беззаконие... Впро-чем...— генерал растянул это слово, глядя на меня прищуренными глазами. Я не отвел глаз. Взяв часы со стола и снова потерев стекло, он продолжал: — Впрочем, вы отчасти правы... Война часто путает эти два понятия, и это закономерно. Настойчивость, беспрекословное выполнение своего долга в военное время иногда стирает грань между требовательностью и жестокостью... Ведь на войне, тре-

бующей решительных действий, некогда голосовать, излишне сердобольничать. И все-таки, батенька, я твердо считаю, что и на войне надо иметь чувство меры.

— Товарищ генерал, в чем же я не прав? — не выдержал я.

— А вот в чем. Лейтенант Брудный, слов нет, был виноват перед вами, но когда вы его прогнали и он в отчаянии совершил подвиг, искупил с лихвой свою вину, не ушел, а вернулся после всего этого, вы должны были изменить свое отношение к нему, смягчиться и многое простить. А вы не сделали этого и потому не правы, не он перед вами, а вы перед ним оказались виноватым. В этой неопределенной неуступчивости как раз и чувствуется проявление жестокости. А если бы он, выполняя ваше «иди к немцам, ты мне не нужен», погиб или пошел на путь измены Родине, тогда что?

— Я бы всю жизнь мучился, товарищ генерал, что толкнул человека на гибель или на преступление.

— Вот в том-то и дело, товарищ Момыш-улы. Я вам рекомендую лейтенанта Брудного восстановить и реабилитировать перед товарищами. И вообще, в дальнейшем без особой надобности не перемещайте людей. Все-таки воин привыкает к своему командиру, к своим товарищам, к своему полку и на войне дорожит всем этим, как родной семьей.

— Конечно, товарищ генерал, я немного превысил свои права.

— Не немного, а многовато. Вот попробуйте без превышения власти командовать. У меня-то власти больше, чем у вас, но я пока никого не прогнал из дивизии.— Этими словами генерал окончательно выразил свой приговор мне за лейтенанта Брудного.

— Виноват, товарищ генерал.

— Не виноваты, а горячеваты вы, товарищ Момыш-улы, горячеваты. Ну, рассказывайте дальше.

— Дальше, товарищ генерал, дело известное...

— Не бойтесь, я же вас пока ни разу не ругал.— Хитрая усмешка пробежала по его губам.

— Конечно, нет,— ответил я тоже с иронией. Мы оба рассмеялись.

— Расскажите, как воевали и чему научились. Это самое важное для нас, товарищ Момыш-улы.

Я рассказал ему о первых боях под Новлянском, Василтьевом. Генерал уточнял отдельные детали обстановки вопросами, вносил исправления на своей рабочей карте и вдруг, отложив карандаш, спросил меня, знал ли я капитана Лысенко.

— Да, товарищ генерал, знал еще в Алма-Ате. С ним что-нибудь случилось?

— Капитан Лысенко со своим батальоном героически погиб.

Тут вошел начальник оперативного отдела капитан Гофман, низкого роста, с коротко подстриженной курчавой шевелюрой, очень моложавым и добрым лицом.

— Да, товарищ Гофман, нашего полку прибыло,— сказал генерал.— Вот сижу и слушаю его, уточняю и поправляю наши картинки.— Он указал на карту.— Товарищ Момыш-улы — живой свидетель. Тут мы с вами нарисовали не совсем то...

— Я вам, товарищ генерал, докладывал лишь наши предположения,— смутившись, ответил Гофман.

— Конечно,— сказал генерал,— многие данные совпадают, но некоторые — нет... Ну, что у вас?

— Доложить, товарищ генерал? — Гофман глазами показал на папку, которую он держал в руках.

— Ах, простите,— генерал обращался уже ко мне,— мы до того увлеклись, что про ваш обед, вернее,

завтрак забыли. Идите, товарищ Момыш-улы, поешьте.

Я сидел за низеньким круглым столиком. Повар подал тарелку щей, заправленных сметаной.

— Стопочку не желаете ли, товарищ старший лейтенант? — заботился обо мне адъютант генерала.

В соседней комнате слышался голос Гофмана, докладывавшего генералу. Я не прислушивался к словам. Машинально хлебая щи, я думал о капитане Лысенко. Помню, прибыл он в штаб в первые дни формирования нашей дивизии. Как-то я выходил от генерала Панфилова. В приемной сидел выхоленный кавалерист. Гладкая прическа, черные усы лихо закручены. Он мне напомнил портрет Чапаева без папахи. Кавалерист сидел на стуле вразвалку, расставив ноги. На задниках щегольеватых сапог блестели широкие шпоры. Я на ходу отдал честь, направляясь к выходу.

— Слушай, старший лейтенант!— Он остановил меня с какой-то подкупающей фамильярностью и, взяв за локоть, как будто мы с ним были давно знакомы, тихо спросил: — Как он?

— Вы о ком? — не понял я.

— Ты как думаешь: к нему без доклада можно войти? — Он указал глазами на дверь кабинета, но вдруг оттуда выглянула голова генерала. Капитан вытянулся, звякнул шпорами.

— Вы ко мне, товарищ капитан?

— Так точно, к вам, товарищ генерал.

— Войдите.

Звеня шпорами, капитан направился в кабинет. У самой двери он остановился и, знаком подозвав меня, сказал: «Ты меня подожди»,— и вошел к генералу.

«Что за привычка у этих кавалеристов щеголять и со всеми быть на «ты»,— думал я, но остался ждать. Через десять-пятнадцать минут капитан вышел чем-то очень недовольный. На ходу бросил мне:

— Ну, пойдем.

«Не собирается ли он сделать меня своим адъютантом? — подумал я, обескураженный таким обращением.

— Понимаешь,— сказал капитан сдавленным голосом,— в пехоту командиром батальона посылает.

— Ну что, хорошо, товарищ капитан, я сам напросился в пехоту.

Он удивленно посмотрел на меня, почти прошипел:

— Ты в своем уме был или нет?

— В своем,— ответил я.

— Знаешь что,— сказал он, когда мы шли в тени по тротуару,— я в этих пузолазовских делах ничего не понимаю... Десять лет в коннице служил, высшую кавалерийскую школу кончил... Не готовился я в пузолазы идти!

— Не в пузолазы, а в пехоту.

— Ишь ты какой патриот пехотинский!— усмехнулся капитан и, нервно погладив усы, спросил примирительно: — Ты лучше скажи мне, где тут можно пожрать?

— Сена или комбикорма?

— Ты, парень, вижу, неплохо в фуражах разбираешься...— и мы оба рассмеялись.

Так состоялось наше знакомство. С этого дня мы с ним подружились. Впоследствии на учениях я его часто дразнил:

— Ну как, капитан, в пузолазовских делах разобрался?

Он весело отвечал:

— Малость начинаю кумекать.

Его однополчане рассказывали мне, что от своих солдат он требовал кавалерийского щегольства и быстроты коня, вещмешок называл «переметной сумой», а однажды в походе вместо «становись» он скомандовал «по коням»...

Меня позвал генерал и заботливо спросил:

— Ну как, подкрепились?

Я поблагодарил генерала.

— Я вам начал говорить о капитане Лысенко. Знаете, что ему и его батальону мы многим обязаны?..

Генерал подвинул карту и рассказал мне подробности боев. Двадцать первого октября после двухнедельных упорных боев полк Капрова вынужден был отступить. Противник, преследуя его по пятам, шел уверенно, нагло, но неожиданно наткнулся на узел, обороняемый батальоном капитана Лысенко. Неоднократные попытки передовых отрядов немцев с ходу преодолеть этот узел не дали положительных результатов.

— Должен признаться, я переоценил силы батальона Лысенко.— Генерал опустил седую голову над картой, как бы чтя память погибших.— И это была моя роковая ошибка. Я держал пружину слишком натянутой, зная, что она вот-вот лопнет...

Далее генерал, показывая на карте, рассказал о действиях батальона капитана Лысенко. По его рассказу, по нанесенной на карте обстановке и представляю этот бой так.

Перед Осташовским мостом — несколько подбитых немецких танков. В кюветах шоссе — исковерканные трупы в мышино-серых шинелях. Это то, что оставил на поле боя передовой отряд немцев, стремившихся с

ходу захватить мост перед Осташово и обеспечить переправу своим главным силам через реку Рузу.

Капитан Лысенко в туго подпоясанной кавалерийской венгерке, в ушанке набекрень — на своем наблюдательном пункте, что находится под кирпичным домом на окраине Осташова, по другую сторону моста. Капитан смотрит в бинокль, не обращая внимания на оглушающие взрывы вражеских снарядов. Перед его глазами — немецкие танки: один идет прямо на мост, за ним уступом — еще два, поддерживая огнем первый с коротких остановок.

— Почему молчит наша артиллерия? — спрашивает Лысенко входящего адъютанта.

— Товарищ капитан,— отвечает запыхавшийся адъютант,— немцы обходят справа и слева...

— Не докладывать, а бить надо!— капитан выбегает из блиндажа.— Эй, вы! — кричит он артиллеристам, взбегая на бруствер окопа.— Что же вы не стреляете?

Орудийный расчет выскакивает из ниши, и сержант командует:

— По головному!

— Есть по головному!— отвечает наводчик.

Выстрел оглушает капитана Лысенко, воздушная волна чуть не сбивает его с ног... Блеск над башней головного танка. Танк заволакивает дымом... За спиной затрещал пулемет и вдруг замолк. Лысенко оборачивается и видит безжизненно опустившего голову пулеметчика. Одним рывком он бросается на площадку и, отодвинув мертвого пулеметчика, ложится на его место. Стукнув по рукоятке замка, кричит второму номеру:

— Подавай!

Сквозь прорезь прицела Лысенко видит перебегающие немецкие цепи и нажимает на спуск. Пулемет застрекотал.

— Так, так, так! — поддакивает Лысенко пулемету и косит вражескую цепь длинными очередями, рассеивая огневой ливень по фронту и в глубину...

Ночь. Вокруг выстрелы и разрывы снарядов. Капитан Лысенко сидит на табуретке без шапки, с перевязанной головой. Окровавленная венгерка расстегнута.

— Нас окружили,— говорит он сидящим на полу и на скамейке командирам.— Вторые сутки немец сжимает кольцо.— Стукнув кулаком по колену, гневно произносит: — Пока жив, ни моста, ни Осташова не отдам.— Его голос устало падает: — Живыми, хлопцы,— ни моста, ни Осташова... Вы понимаете меня?

В это время открывается дверь и, к удивлению всех, входит немецкий офицер с белой повязкой на рукаве. Вытянувшись во фронт, приложив руку к козырьку, он спрашивает на ломаном русском языке:

— Кто здесь есть командир?

— Я командир,— отвечает Лысенко.

Немец улыбается, снова прикладывает руку к головному убору.

— Ощень, ощень приятно,— говорит он.— Я есть парламентер, майор Кандель. Мы с вами знакомы, господин капитан.

— Как же, господин майор,— отвечает Лысенко, иронически улыбаясь в усы,— слава богу, наша дружба уже четвертые сутки тянется.

— О, дружба! — хохочет немец.

— Чем могу быть полезен?

— Вам, господин капитан, сопротивляться больше бесполезно.

— Вы так думаете?

— Это есть факт, господин капитан. Вас мало, нас много. Вашей дивизии нет. Мы заняли Волоколамск, завтра возьмем Москву. Мой генерал предлагает вам сдаться. Он обещает вам хорошие условия и пост...

— Передайте вашему генералу,— гневно прерывает Лысенко,— что мы здесь приняли бой не для того, чтобы сдаться. Хорошие условия и пост пусть он предлагает предателям. Мы,— капитан оглядывает сидящих командиров, твердо продолжает: — Мы не сдадимся. Мы будем драться!

— Безумно, безумно, господин капитан, как мошно...

— Нет, господин майор, по-нашему, разумно драться...— Лысенко решительно встает, приказывает лейтенанту:

— Проводите господина майора через нашу линию.

Немец откозырнул:

— Прощайте, господин капитан, ауфвидерзейн!

Когда за немцем закрывается дверь, капитан Лысенко, обращаясь к сидящим командирам, повторяет свои слова:

— Ни моста, ни Осташова, пока мы живы, товарищи!

— Ни моста, ни Осташова! — как клятву, повторяют несколько голосов в темных углах блиндажа...

— Двадцать второго октября немцы окружили батальон Лысенко плотным кольцом,— продолжал свой рассказ генерал, показывая острием карандаша синее кольцо неправильной формы на карте вокруг Осташова.— Я тогда только спохватился, но было уже поздно...

Командир полка полковник Капров после тяжелых отступательных боев в районе совхоза «Булычево», а также на промежуточных рубежах в районе деревень

Игнатово, Федосино, Княжево и других не сумел, вернее, не имел возможности своевременно оказать помощь капитану Лысенко.

Генерал Панфилов, узнав, что батальон Лысенко окружен, бросил на выручку то, что у него было под рукой: отряд в сто человек под командой лейтенанта Каюма Гарипова. Но отряд не смог прорваться к Осташову. Подбив гранатами семь вражеских танков, он почти весь погиб в рукопашном бою. Из отряда вернулись шесть раненых.

Я вспомнил лейтенанта Гарипова — командира роты третьего батальона нашего Талгарского полка. На него я обратил внимание еще на берегу горной речушки Талгарки, на полковом стрельбище. Этот смуглый татарин среднего роста в неподогнанном новом обмундировании, неловко заложив большой палец за плечевой ремень портупеи, ходил на огневом рубеже, щурясь от яркого солнца. Пистолет в кобуре оттягивал слабо затянутый офицерский ремень. На нем было все новое, все сияло. Но военный костюм был для него до того непривычным, что Гарипов, казалось, не знал, что делать в своем одеянии. Своим людям он приказывал неуверенно, не командовал ими, а как бы уговаривал, приглашая жестом руки, вступал с подчиненными в долгие разговоры, убеждая их в чем-то. Смена из его роты задерживала нам стрельбу.

— Товарищ лейтенант, ко мне! — приказал я ему.

Подойдя ко мне, лейтенант Гарипов неловко приложил руку к съехавшей на затылок пилотке и мягким тенорком неторопливо доложил:

— Я вас слушаю, товарищ старший лейтенант.

Мои замечания он слушал смущенно, мигая добрыми карими глазами, и на его веснушчатом продолговатом лице выступил пот.

— Если вы, товарищ лейтенант, будете так нянчиться с людьми, то ничему не научите свою роту за это время. Надо требовать, а не уговаривать...

— У меня пока не выходит, товарищ старший лейтенант,— беспомощно, но честно признался Гарипов и добавил: — Я на людей не умею кричать. Я педагог, товарищ комбат.

Тут я узнал, что Гарипов пять лет назад окончил педагогический институт и все время до войны был учителем в средней школе.

Через месяц я застал его журящим одного младшего командира.

— А теперь кричать на людей научились? — смеясь, бросил я ему.

Он тоже улыбнулся и, четко отдавая честь, ответил:

— Так точно, товарищ старший лейтенант.— Затем, как бы оправдываясь, виновато добавил: — Приходится, товарищ комбат, иногда... Некоторые сами напрашиваются.— А сержант стоял перед ним навытяжку.

Вот о нем, о бойцах его отряда теперь рассказывал генерал, как он, выручая товарищей из беды, геройски погиб в неравном бою...

Батальон Лысенко дрался трое суток. Все эти три дня и три ночи орудийный гул, трескотня пулеметов, шум моторов, зарево пожарища возвещали, что там, в Осташове, идет неравный жестокий бой...

— Пленный немец, унтер-офицер, показал,— продолжал генерал,— что не видел пленных красноармейцев из Осташова. Батальон капитана Лысенко и рота лейтенанта Гарипова,—заключил генерал,—это первые подразделения нашей дивизии, проявившие массовый героизм... Они на трое суток задержали противника на

одном из важных для нашей дивизии направлений, изрядно потрепав не меньше танкового батальона и полка пехоты немцев. Вот почему я говорю, что мы многим обязаны в нашем теперешнем положении этим героям.

Я рассказал генералу подробности боя в роще вблизи совхоза имени Советов, о том, как мы огнем четырех орудий обрушились на немецкую колонну с артиллерией, идущую по дороге от Сафатова. Генерал передал мне свой двухцветный карандаш и показал на карте Сафатово.

— Нанесите на мою карту, товарищ Момыш-улы, то, что вы рассказали,— приказал он.

Я склонился над картой и нанес положение нашего батальона в лесу, расставив орудия, потом по коричневой линии дороги нанес синим концом карандаша немецкую колонну — стрелки с тремя черточками — и написал черным карандашом дату и время боя.

— Да, да,— говорил генерал.— Значит, здесь проходили два батальона пехоты и дивизион артиллерии?

— Так точно, товарищ генерал.

— Хорошо, рассказывайте дальше... Вот вам, товарищ Момыш-улы, и второй собеседник,— сказал он, указывая на карту.— Рассказывайте и наносите.

Ход нашей беседы изменился. Я рассказывал и отмечал на карте красным концом карандаша наших, синим — противника. Генерал слушал. Такой характер беседы освободил меня от прежней натянутости и робости.

— Вот здесь, товарищ генерал, нас выручила винтовка,— докладывал я, показывая на карте деревню Милования, и рассказал о нашем переходе через шоссе, о разгромленной залповым огнем немецкой колонне.

— Постойте, постойте, батенька,— перебил меня генерал.— А когда это было, в котором часу? — Я от-

ветил ему.— Мм-да... теперь мне ясно кое-что. Дайте мне карандаш...— И, отчеркивая карандашом извилистые линии на карте, не глядя на меня, он продолжал: — В это утро полк Капрова и артполк Курганова вели бои за Рюховское и Спас-Рюховское,— он указал на эти населенные пункты, расположенные на шоссе, ведущем к Волоколамску.

Теперь снова рассказывал генерал. Я слушал.

— Полк Капрова и остаток дивизионной артиллерии поспешно перешли к обороне в районе указанных населенных пунктов. Наша дивизия была усилена еще одним истребительно-противотанковым дивизионом из резерва командующего армией. Рюховскому и Спас-Рюховскому наше командование придавало значение как важному узлу на подступах к Волоколамску. Поэтому генерал со своим командующим артиллерией подполковником Марковым приехал в этот район увязать взаимодействие артиллеристов с полком Капрова. Орудия были расставлены в боевых порядках пехоты. Мыслилось задержать здесь противника как можно дольше, чтобы предоставить другим частям возможность подготовить Волоколамский район к обороне.

На следующее утро полк немецких бомбардировщиков делает пять заходов на эти пункты и после короткой, двадцатиминутной артиллерийской подготовки противник атакует шестьюдесятью танками. Они сначала идут в лоб, но наши артиллеристы встречают их сильным огнем, подпустив на расстояние прямого выстрела. Снова обрушивается немецкая артиллерия, снова идут танки с пехотой, на этот раз с флангов, беря в клещи наши позиции. Противник неумолим, атака следует за атакой. «Товарищ генерал, полку больше не удержаться»,— докладывает Капров. «Товарищ гене-

рал, пятьдесят процентов орудий вышло из строя, боеприпасы на исходе»,— докладывает Курганов. Генерал сам видит неравенство сил. Он приказывает прикрыться частью сил и отойти на следующий рубеж.

— Вдруг натиск противника ослабел,— продолжает Панфилов свой рассказ.— В чем дело, что случилось? Что за пауза? Оказывается, виновниками были вы, ваш батальон.

— Я не знал, товарищ генерал...

— Я вас не виню. Вам надо было перейти шоссе. И вы правильно сделали.— Тут генерал чуть задумался, улыбнулся и продолжал: — Кстати, о залповом огне вы рассказываете, как о своем открытии. Конечно, для вас это — открытие, но я вам должен сообщить, товарищ старший лейтенант, что это совсем не ново, это старина, которую, к сожалению, мы почему-то забыли. Мы еще в старой армии вели огонь залпом. Стреляли по команде: «Рота, залпом пли!»,— и, немного подумав, добавил: — И в дальнейшем действуйте так, товарищ Момыш-улы, учите людей боевому мастерству.

Генерал встал, прошелся, вернулся к столу, склонился еще раз над картой и задумчиво воскликнул:

— Какое счастливое и чисто случайное совпадение!

Он посмотрел на меня, но я не понимал, о каком случайном совпадении говорил генерал, и потому молчал.

— Какое счастливое, но чисто случайное совпадение,— повторил он.— И как жаль, что это именно только случайное совпадение...

— Вы о чем, товарищ генерал? — осмелился я спросить.

— Я о том, товарищ Момыш-улы, что в одно и то же время вы в Миловани, мы в Рюховском бились с одним и тем же противником, не подозревая об этом. Нам надо было отбиваться, а вам пробиваться в этот лес,— он указал на карту.— Выходит, совсем рядышком были... Но взаимодействие... Да мы не могли взаимодействовать, мы же не знали друг о друге. А немец, наверное, подумал, что это делается нарочно, преднамеренно, по плану, потому он и испугался. И наверное, приписывает это мне, как нечто заранее продуманное.— Генерал захохотал и, вытирая платком выступившие слезы, добавил:

— История знает много чудес, когда в заслугу полководцу приписывались случайные стечения обстоятельств. Это нам с вами урок на дальнейшее. Правда, связь у нас неважная, радиостанциями не обеспечены. Ведь если бы мы с вами тогда были связаны по радио, то заставили бы немца плясать в Рюховском денька два-три.

Зазвонил телефон, и генерал поднял трубку. Видимо, о чем-то важном докладывал начальник штаба, и я, считая неудобным прислушиваться к разговору, хотел выйти...

— Товарищ Момыш-улы,—окликнул генерал,—куда вы уходите?

— Покурить, товарищ генерал.

— Курите здесь. Ведь мы с вами еще не закончили разговора.

— Товарищ генерал, вы же заняты, вам работать надо...

— Вы говорите «работать?» — генерал положил телефонную трубку, насмешливо посмотрел на меня.— Разве я не работаю, разговаривая с вами? В этом моя работа, товарищ Момыш-улы, я вместе с вами раз-

бираюсь, когда и что происходило... Помните, как мы в мирное время после учений целыми днями делали разбор?

— Помню, товарищ генерал.

— А что, по-вашему, война не требует разбора? А? Именно здесь, после каждого боя надо разобраться и разобраться во всем детально, серьезно. И вам советую, товарищ Момыш-улы, разбираться, советоваться, прислушиваться к мнению других.

На прощание генерал Панфилов приказал представить к наградам отличившихся в боях. «Если кто достоин Героя Советского Союза,— сказал он,— не стесняйтесь, представляйте».

26—27 октября 1941 года разгорелись бои за Волоколамск. Противник ввел в бой до четырех пехотных дивизий и до ста танков. Действия своих войск противник обеспечивал и поддерживал мощными артиллерийскими и авиационными подготовками. Особенно тяжелые бои пришлось вести полкам Капрова и Елина, артиллерийскому полку Курганова.

Полковник Илья Васильевич Капров много мне рассказывал о боях этих дней. И он и другие вспоминают, что генерал Панфилов с оперативной группой все время находился на главном направлении и влиял на ход боя: вмешивался в оценку сложившейся обстановки, уточнял то или другое решение командира в ходе боя, советовал, приказывал, подбрасывал подкрепления из своего резерва на более угрожающее направление, восстанавливал взаимодействие с соседями, докладывал обстановку командующему армией, мобилизовывал весь дивизионный тыл на бесперебойное снабжение продовольствием и боеприпасами, следил за своевременной эвакуацией раненых, принимал меры к обеспечению всех средств связи для непрерыв-

ного управления войсками... Панфилов всегда находился там, где он был более всего нужен.

Расширяя прорыв по фронту и в глубину, противник упорно, шаг за шагом, развивал успех. Блокируя окруженные подразделения, он ввел в бои свои вторые эшелоны и резервы и прорвал фронт обороны на правом фланге и в центре дивизии. Особенно тяжелые бои завязывались в районе Рюховского и Спасс-Рюховского против главной группировки противника, которая состояла из трех пехотных и двух танковых дивизий. В этих боях участвовали с нашей стороны полк Капрова, полк Елина, артполк Курганова, два дивизиона противотанкового артиллерийского полка из резерва командующего армией Рокоссовского, танковая рота из армейского резерва. Генерал Панфилов сам лично руководил боями, двое суток безотлучно находясь на самом переднем крае. Изрядно потрепав противника, по приказу командующего армией дивизия отошла в район Волоколамска.

> «Под Волоколамском особенно отличились части 316-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор И. В. Панфилов, курсантский полк под командованием полковника С. И. Младенцева и артиллерийские противотанковые полки. В течение семи дней воины этих частей, отбивая непрерывные атаки трех пехотных и двух танковых дивизий противника, удерживали район Волоколамска. При этом они уничтожили до 80 танков и несколько батальонов пехоты».
>
> **«История Великой Отечественной войны».**

Вспоминая про эти дни, член Военного Совета армии генерал А. А. Лобачев в своей книге «Трудными

дорогами» пишет: «Всего лишь неделю у нас воевала 316-я дивизия, но как воевала! Даже самые, казалось бы, непосильные задачи панфиловцы выполняли хладнокровно, без жалоб на трудности, без тени растерянности».

Однако брешь в центре боевого порядка дивизии оказалась непоправимой. «Противник силою до четырех пп (пехотных полков.— Б. М.-у.) и до ста танков к исходу 27 октября овладел рубежом Ивановск, Волоколамск, Возминское, Жданово» *,— доносил Панфилов командующему армией.

Сдача Волоколамска очень тяжело переживалась Панфиловым. Правда, противник в боях на подступах к городу, а также за город понес большие потери как в живой силе, так и в технике. Мы потушили его наступательный порыв, сорвали планы «завтракать в Волоколамске, ужинать в Москве», и он вынужден был остановиться на целый месяц, чтобы привести себя в порядок и подтянуть глубокие резервы.

Газета «Известия» 5 ноября писала: «Поистине героически дерутся бойцы и командиры Панфилова. При явном численном перевесе в дни самых жестоких атак немцы смогли продвинуться вперед только на полтора километра в сутки. Эти полтора километра дались им очень дорогой ценой — земля буквально сочилась кровью фашистских солдат».

И все же Волоколамск был сдан.

Генерал А. А. Лобачев вспоминает:

«Через два дня к нам прибыла комиссия из штаба Западного фронта. По заданию Ставки она расследовала причины сдачи Волоколамска. Комиссии предъ-

* ПВА СА, ф. 763, оп. 10 268, л. 79.

явлены приказы Военного Совета армии, планы, оперативные документы, карты.

— Мы не приказывали сдавать Волоколамск,— говорил Рокоссовский.

— Но вы не создали для его защиты резервов ни в армии, ни в дивизиях,— заметил председатель комиссии.

— Откуда их взять?

— За счет кавалерийской группы.

— Это невозможно. В группе Доватора две дивизии, по пятьсот сабель каждая, и участок фронта протяжением в тридцать километров. Взять что-либо — значило оголить правый фланг армии.

— Но ведь противник там активности не проявлял?

— И все же мы не могли оставить рубеж Московского моря без защиты.

— Почему не оставили в резерве курсантский полк?

— У курсантского полка фронт в двадцать один километр,— ответил Рокоссовский.— Можно, конечно, было создать резерв за счет ослабления правого фланга. Я не имел права так поступить.

Приехал И. В. Панфилов. Комиссия пригласила его для объяснения. Мы заявили, что вся наша армия гордится этим соединением: генерал Панфилов большего сделать не мог.

— Я тверд в своем убеждении,— сказал Панфилов,— что сдача Волоколамска — это не утрата стойкости у бойцов. Люди стояли насмерть.

— И все же,— сказал председатель комиссии Панфилову,— вы имели категорическое указание Военного Совета армии удержать Волоколамск, а вы его сдали...

Это был тяжелый разговор, хотя все понимали, что Ставка не может спокойно смотреть, как войска от-

ступают и сдают врагу на подступах к Москве город за городом. Ставка требовала стойкости. В результате упорной обороны, стойкости наших войск наступление противника было приостановлено на всем западном направлении. Выиграв время, высшее командование Красной Армии получило возможность подтянуть и сосредоточить глубокие резервы для последующих и решающих сражений на ближних подступах к Москве. В числе других войск на волоколамском направлении особо отличилась 316-я стрелковая дивизия под командованием генерала И. В. Панфилова».

Противник в предыдущих боях тоже изрядно потрепал и наши части. Пополнения или подкрепления пока еще не прибывали. Наши войска не смогли предпринять каких-либо серьезных контратак или наступления для восстановления утраченного положения в районе Волоколамска. Отбивая атаки противника, части дивизии заняли оборону и закрепились на фронте Ефремова, Ченцов, высоты «251,0», Нелидова, разъездов Дубосеково, Ширяево. На этом рубеже с 28 октября по 16 ноября 1941 года бои носили позиционный характер.

Генерал Панфилов, как и раньше, часто навещал полки и батальоны, иногда бывал в ротах и взводах, на основных и более вероятных направлениях наступления противника, осматривал оборонительные сооружения, беседовал с людьми, изучал условия местности, вносил коррективы в наши планы, уточнял, советовал.

Наш батальон закрепился в районе Ефремово в непосредственном соприкосновении с противником, прикрывая правый фланг полка Шехтмана. Узнав, что в полк прибыл генерал Панфилов, я поехал в Строково, где был расположен штаб полка.

— Почему вы приехали? Кто вам позволил приехать сюда без моего разрешения? — обрушился на меня Шехтман.

— Командир батальона приехал ко мне, а не к вам,— прервал Шехтмана генерал Панфилов.

— Да, я приехал к вам, товарищ генерал, услышав, что вы здесь.

— Но как же? Бросили батальон...— не унимался Шехтман.

— Батальона он никогда не бросал, а вот вы...

— Товарищ генерал, он...

— Потрудитесь молчать, когда я говорю! — окончательно пресек Шехтмана генерал.

Я доложил генералу, что наш батальон был в полку на положении пасынка у плохого отчима. Мы терпели неоправданные трудности, командир же полка не оказывал нам никакой помощи, наоборот, приказывал выполнять невыполнимое. Несмотря на все это, батальон не пал духом и с честью выполнил свой боевой долг. Панфилов сосредоточенно смотрел на карту, слушал меня не перебивая. Когда я кончил доклад, генерал спросил у комиссара полка:

— Как, по-вашему, комиссар, командир батальона правильно доложил мне?

— Правильно, товарищ генерал,— подтвердил комиссар.— Но мы тогда не имели возможности...

— Вы были заняты самим собой,— прервал Панфилов и, посмотрев на Шехтмана, сказал: — Вы батальон довели до изнеможения, вы опять прикрыли им свой фланг. Я вам больше не доверяю этот батальон, я отбираю его у вас...

— Разрешите, товарищ генерал...

— Смените сегодня же этот батальон,— приказал генерал Шехтману, не разрешая ему говорить, и, об-

ращаясь ко мне: — После смены приведите батальон в район Рождествено. Там встретит вас офицер из штаба дивизии.

Я никогда не видел генерала таким сердитым. Итак, наш батальон был выведен в район Рождествено и занял оборону на второй позиции. С этого дня батальон считался личным резервом командира дивизии, закрепляясь на занимаемых позициях, готовил контратаку в нескольких направлениях на случай прорыва противника. В связи с такой задачей мне приходилось бывать почти во всех полках и батальонах для изучения маршрута движения и согласования вопросов взаимодействия. Это дало возможность познакомиться с командирами и политработниками дивизии и быть более в курсе общей обстановки, чем другим командирам батальонов.

О результатах своих поездок я докладывал начальнику штаба дивизии полковнику Серебрякову Ивану Ивановичу, очень чуткому и выдержанному, или лично генералу Панфилову.

Помнится, в начале ноября наш штаб размещался в деревне Софьино. Джан под руководством Рахимова собрался готовить обед. Он топил жир, а лейтенант Рахимов, сидя на полу, резал морковь. Джан опустил в кипящий жир нарезанное мелкими кусочками мясо. Когда в котле забурлило, зашипело и комната наполнилась чадом, наш хозяин— крепкий семидесятилетний старик с седой бородой и прокуренными усами, которого мы все звали «папашей», закашлял и, наспех накинув на себя полушубок, вышел из дому.

Неожиданно приехал генерал Панфилов. Снимая полушубок, он спросил Рахимова:

— Что готовите на обед? Вкусно пахнет тут у вас.

— Хотели, товарищ генерал, для разнообразия плов приготовить,— ответил Рахимов, не зная, куда девать невымытые руки.

— А все у вас для этого есть?

— Все есть, товарищ генерал.

— Раз все есть, валяйте тогда, готовьте плов. Давно я не ел плова, соскучился по азиатским блюдам. Коль у вас плов, я у вас гость. Принимаете такого гостя, хозяева? — спросил он нас.

— Как же, товарищ генерал!

— Вы, товарищ Рахимов, из-за меня не спешите, приготовьте плов по-настоящему, как полагается, по-узбекски.

Я с разрешения генерала пошел по делам. Когда вернулся, Джан в передней накрывал котел крышкой, затем укутал его байковым одеялом, а сверху — своей стеганой курткой .

— Чтобы горячий дух не вышел: рис распарится и вберет в себя жир,— объяснил он мне по-узбекски.— Так минут двадцать-тридцать буду держать, потом на стол подам, товарищ комбат.

Синченко топориком колол полено на мелкие щепки для разжигания самовара, а Рахимов делал салат из огурцов, лука и редьки.

Вошел хозяин дома. Генерал встал и поздоровался с ним за руку, спросил.

— Ну как, Иван Тимофеевич, ваше здоровье?

— Спасибо, товарищ генерал, пока жив-здоров. А как ваше?

— Зовите меня просто Иваном Васильевичем, мы с вами тезки... А вы что, Иван Тимофеевич, отсюда не уходите? Ненароком мина в дом угодит.

— А куда я от своей избы уйду? — с грустью ответил старик.— Тут я прожил всю жизнь. Тут моя

Матрена Михайловна, царство ей небесное, пятерых детей мне родила, тут я хочу и помереть. Все ушли кто куда: два сына в Красной Армии где-то воюют, младшая дочка прямо из института на фронт врачом пошла. А старшие сын и дочь с внучатами ушли за Москву, как только немец Волоколамск взял. Я вот остался сторожить дом. Когда немца прогоните, может, семья снова соберется...

— А моя старшая тоже не доучилась, тоже на фронте медсестрой,— сказал генерал по-отцовски тепло.

— Так чего же вы, отец родной, девушке даже не позволили учебу кончить и послали на фронт? Свое родное дитя под огонь посылаете!

— А это она сама себя послала. Война-то у нас всенародная, отечественная война, Иван Тимофеевич.

— Да... Второй раз вы приезжаете сюда... Слова плохого от вас не слыхал. Все: «это сделать надо», «пожалуйста» да «прошу вас»... Странный вы генерал, больно задушевный у вас приказ... А ведь, как я вижу, все слушаются!

Джан в большом хозяйском блюде внес дымящийся плов и поставил его на середину стола. Рахимов с Николаем принесли тарелки, ложки, салат. Панфилов пошел мыть руки. Хозяин хотел было уйти, но генерал его не пустил:

— Раз мы с вами хорошо побеседовали, давайте, Иван Тимофеевич, вместе и пообедаем.

Старик долго упорствовал, но после настоятельной просьбы все-таки сел за стол.

Мы не дотрагивались до еды, соблюдая этикет, ждали, когда начнет генерал.

— Кто же ест плов ложкой? — сказал он Рахимову, подавшему ложки. И, обращаясь к хозяину, стал объяснять: — Это кушанье называется пловом, Иван Тимофеевич. Едят его вот так, руками.— Генерал с края блюда аккуратно взял правой рукой горсть плова и, не уронив ни одной рисинки, поднес ко рту.— Когда руками ешь, совсем другой вкус получается,— добавил он с улыбкой.

Синченко стоял у двери и показывал Рахимову на фляжку с водкой.

— Товарищ генерал, разрешите предложить «наркомовскую?» — нерешительно спросил Рахимов.

— А что же вы раньше не предложили, надо было начинать с этого! Давайте...

Синченко налил всем по рюмке. Генерал взял свою левой рукой и поднял тост за нашу победу.

— Дай бог, дай бог,— прошептал старик, мелко перекрестившись, и лишь после этого поднял рюмку: — За ваше здоровье, Иван Васильевич...

Обед завершился чаем.

Вечерело.

— Ну, выпить дали, вкусным пловом накормили, чаем напоили. Пора мне и честь знать. Спасибо вам, товарищи.

Генерал попрощался со всеми за руку, особенно тепло со стариком и Джаном. Он на узбекском языке похвалил плов и в шутливой форме напрашивался еще раз к Джану в гости, когда тот будет готовить узбекские блюда. Джан сиял и, позабыв, что он красноармеец, как хозяин, учтиво, по-восточному прикладывал руки к груди и говорил, что он всегда рад такому дорогому гостю.

Когда мы вышли на улицу, генерал еще раз попрощался с Рахимовым, а мне сказал:

— А вы меня проводите, товарищ Момыш-улы, мне надо с вами поговорить. Хоть вы и не любите ездить на санях, сядьте со мной рядом, а ваш коновод с моим адъютантом пусть следуют за нами.

Пока мы не въехали в лес, генерал молчал. В темной просеке были слышны лишь глухой цокот копыт да легкое трение полозьев кошевки о снег.

— Я давно хотел вас спросить, товарищ Момыш-улы, но как-то не решался,— тихо начал он.

— Спрашивайте, товарищ генерал.

— Почему вы до сих пор не вступили в партию?

Вопрос генерала не был для меня неожиданным, так как я, к великому недовольству комиссара Логвиненко, оставался единственным беспартийным комбатом в полку.

— Лично у меня нет никаких сомнений в отношении вас, товарищ Момыш-улы, но я хочу знать, что вас удерживает от вступления в партию? Ведь вы же были с 1924 по 1936 год в рядах комсомола.

«Ого, и это ему известно»,— промелькнуло у меня. Лошади, изредка фыркая, шли мелкой рысью, кошевка покачивалась на неровной дороге, лес молчаливо стоял темной стеной. Адъютант генерала и Синченко то догоняли, то отставали от нас.

Я рассказал генералу о том, как однажды в пути на Дальний Восток потерял комсомольский билет, о бесплодной переписке с организацией, где я раньше состоял на учете. Далее я сказал, что считаю себя недостаточно подготовленным для вступления в партию.

— Война не завтра, не послезавтра кончится, она сама подготовит вас,— заметил генерал.— Как говорится, да хранит вас судьба, и вы станете настоящим боевым командиром-коммунистом.

Генерал велел ездовому остановиться и, вылезая из кошевки, сказал:

— Дальше меня не провожайте. И так я вас увез далеко.

Прощаясь со мной, он сказал:

— Предстоят большие испытания, товарищ Момыш-улы, но мы должны отстоять завоевания Великого Октября.

По данным нашей разведки, было известно, что Гитлер требовал от своих войск любой ценой в ближайшее время разделаться с Москвой. На Московское направление перебрасывались крупные резервы и большое количество боевой техники, нацеливались воздушные силы. Враг серьезно готовился ко второму туру своего генерального наступления на нашу столицу. Только против 16-й армии, которой командовал Рокоссовский, предназначалось пять пехотных, две моторизованные, шесть танковых дивизий. В этих дивизиях до 400 танков, 1030 орудий и минометов.

Осень уступила свои права зиме. С запада дует ветер. Он обжигает лицо, иглами колет пальцы, насквозь пронизывает тело. Дуешь на руки, потираешь лицо, топаешь ногами, чтобы хоть как-нибудь согреться.

Земля окаменела. Все вокруг окуталось снежным пухом, застыло в ледяном безмолвии. С непривычки мы сильно продрогли. Поеживаясь, прячем руки в рукава. Спасаясь от пронизывающего ветра, жмемся к стенам домов. Но это продолжается недолго. Время не терпит. Война остается войной. Ее не перепоручишь другому. За всем должен сам уследить, все должен делать сам.

Почувствовав шпоры, Лысанка закусила удила и пошла крупной рысью по лесной дороге. Лес был за-

бит снегом. С воем пронеслась мина, шлепнулась недалеко от нас, отчего вздрогнули, словно в испуге, ветки елей, обрушив сплошной снегопад. Несколько осколков просвистело так низко над головой, что мы невольно пригнулись...

— Я заметил, что немец вот уже дня два через каждые пятнадцать-двадцать минут бросает на эту дорогу парочку-другую мин,— сказал Николай.

— А что же, по-твоему, немец должен обстреливать не дорогу, а пустой лес? — съязвил мой адъютант.— Запугать, вызвать панику, затруднить наше передвижение — это, пожалуй, его натура, а не привычка.

Путь нам преградила глубокая свежая воронка.

— Какое зрелище! — заметил Николай по-казахски.— Метеорит и тот, наверное, не так разворачивает землю.

«Как хорошо знает Синченко казахский язык»,— подумал я.

Деревня Шишкино, куда мы ехали, показалась как только кончился лес. Мой адъютант был прав: терроризовать не только войска, но и население любыми средствами — излюбленное занятие немцев. Они обстреливали населенные пункты, расположенные глубоко в тылу, из дальнобойных орудий, в пределах их досягаемости. Поэтому этой участи не избежало и Шишкино. На окраине деревни дымились, догорая, несколько бревенчатых строений.

Перед домиком, к которому, словно паутина, были протянуты телефонные провода, мы спешились. Не успел я спросить часового, стоявшего на углу дома: «Генерал у себя?»,— как услышал из открывшейся двери знакомый, чуть хрипловатый голос:

— Почему задерживается Момыш-улы? Никогда бы не подумал, что вы можете опаздывать,— упрекнул генерал, но тут же приветливо добавил: — Ничего, ничего, как раз вовремя прибыли. Проходите сюда, ко мне.

У окна на большом столе, будто вышитая скатерть, лежала развернутая военная топографическая карта. После приветствий генерал подошел к ней и черным карандашом сделал в двух-трех местах жирные пометки.

— Вы не голодны? — спросил он, обернувшись ко мне.

— Спасибо. Я сыт. Поел перед выездом к вам, товарищ генерал.

— И все-таки выпейте чайку. На дворе очень уж морозно. Там, в углу, накрыт стол. Не помешает выпить стопочку водки. Я тут еще, оказывается, не во всем разобрался... Погодите малость...— И, продолжая делать пометки на карте, он стал рассуждать сам с собой: — Да... так, так... пожалуй, так будет вернее... Отсюда он едва ли пойдет... или надумает?.. Надо преградить ему здесь дорогу... Стойкому условия местности — военный помощник.

Я сидел в углу за маленьким столиком и молча пил чай.

— Напились, товарищ Момыш-улы? Подойдите-ка сюда, потолкуем, посоветуемся.

— Едва ли я гожусь вам в советчики, товарищ генерал.

Он выпрямился и, весело глядя на меня, сказал дружелюбно:

— На деле иногда у вас неплохо получается, наверное, можете кое-что посоветовать.— И, снова склонившись над картой, неожиданно спросил: — А как, по-вашему, когда немцы начнут наступление?

— Я не полностью знаком с обстановкой, товарищ генерал, надо бы ознакомиться, подумать.

— Верно, надо ознакомиться, подумать. Командир всегда должен знать обстановку, думать, рассуждать, предполагать, разгадывать мысли противника, который старается держать их за семью замками. Ну что ж, посмотрите карту, изучите обстановку, подумайте. Теперь мой черед чаевать,— закончил он улыбаясь.

Генерал удобно устроился за столиком в углу и принялся пить чай, посасывая мелкие кусочки сахара, который он сам тут же колол щипцами.

Я склонился над картой и приступил к изучению обстановки. С западной стороны деревень Строково, Ченцы, Мыканино, Ядрово, Дубосеково и других проходила, плотно примыкая к лесу, красная полоса линии нашей обороны. Особенно отчетливо выделялись узлы пересечения дорог в Горюны, Матренино, к высоте «151,0». Эти районы были обведены карандашом. Я пригляделся еще внимательнее и прочел написанное рукой генерала: «Батальон Момыш-улы». Теперь я понял, зачем вызывал меня генерал. Мне показалось немного обидным, что он хочет переместить нас с передовой в тыл. Параллельно нашей красной полосе проходила синяя линия — передний край противника, с указанием районов расположения частей и соединений. Я впервые видел на карте такие относительно полные данные о противнике. По этим данным силы противника превосходили наши в три, а то и в четыре раза. Стало ясно, почему немцы месяц не двигались с места: накапливали силы.

Генерал словно прочел мои мысли и заговорил, вставая из-за столика:

— Подробнее знакомьтесь с силами противника.

Нужно знать, с кем предстоит встретиться... А как все-таки думаете, когда он на нас пойдет?

— Пока не могу сказать, товарищ генерал. Разобрался лишь в одном: куда вы решили послать меня.

Генерал рассмеялся.

— Это-то мне и нужно было. Значит, поняли, куда и зачем пойдете?.. По имеющимся у нас данным, противник собирается с силами, закончил подготовку и в ближайшие дни пойдет в наступление. Я думаю, он сосредоточит свои основные силы на Волоколамском шоссе, чтобы кратчайшим путем прорваться к Истре, а оттуда — к западным окраинам Москвы. По тому, как долго и тщательно враг накапливал силы, надо предполагать, что он рассчитывает уже не задерживаться до самой Москвы. Смотрите: если верить вот этим данным, на нашу дивизию пойдут три-четыре вражеские дивизии. Разумеется, и у немцев есть данные о нас. Надо ожидать, что враг начнет наступление с полной уверенностью в осуществлении своего плана. Предстоят очень тяжелые бои. Нам приказано упорно обороняться. Прежде всего, нам нужно использовать все выгодные условия местности, прилегающей к шоссе. Упорной обороной мы обязаны выиграть время, не дать противнику возможности овладеть шоссе, навязывать бои, отвлекать его силы от шоссе, снижать темпы его продвижения вперед. Если мы будем держать шоссе в своих руках, то его танкам нелегко будет продвигаться через лес, по бездорожью. Итак, ваш батальон должен до двадцатого числа продержаться здесь, на стыке трех дорог, даже в случае окружения противником.— И генерал показал мне на карте свои пометки, пояснил их еще раз.

— Товарищ генерал, разрешите?

Панфилов кивнул.

— Признаться, товарищ генерал, меня смущает вопрос: как это можно один батальон растянуть по фронту в пять-шесть километров?

— А я вам этого не говорил. На эту высоту поставите одну роту, сюда, на станцию,— вторую, а в Горюны — третью. О каких пяти-шести километрах вы говорите?

— Но ведь между этими опорными пунктами промежутки по три-четыре километра, как же я буду управлять ротами?

— А командир не может да и не должен быть при солдате. У него много командирских дел. Вспомните наш опыт. Разве я был с вами, когда вы четыре раза оказывались в тылу у противника и относительно благополучно выходили? Разве я лично руководил тогда всеми вашими действиями? Нет. Но зато до этого мы с вами вместе обдумали и договорились, в каких случаях как следует поступать. И впредь я не могу быть рядом с вами. Потому и вызвал, чтобы обсудить все подробно. Если есть сомнения, высказывайте, товарищ Момыш-улы.

— Сомневаться не в чем, товарищ генерал. Я понял вас. Если немцы начнут наступление шестнадцатого, наши на переднем крае продержатся до семнадцатого, я же должен действовать восемнадцатого, девятнадцатого, двадцатого и, оставшись даже в тылу врага, не должен покидать шоссе... И пока отступающие наши полки приведут себя в порядок, сосредоточат силы и смогут занять новые боевые рубежи, я должен оставаться на месте, чем бы это ни кончилось. Все ясно, товарищ генерал.

— Вот и хорошо. Вы поняли меня. Так и предполагается, что наступление начнется не позднее шестнадцатого-семнадцатого.

— Разрешите мне ехать, товарищ генерал?

Генерал проводил меня до самых дверей и, положив руку на плечо, ласково сказал:

— Как говорится, ни пуха, ни пера! Предстоят трудные дни. Держаться вам надо до двадцатого.

— Понимаю, товарищ генерал. Благодарю вас за доверие.

Как и предполагалось, с рассвета 16 ноября 1941 года противник перешел в наступление.

В полосе обороны 316-й дивизии повели наступление две пехотные и две танковые дивизии противника, усиленные артиллерией и авиацией. Главный удар опять обрушился на левый фланг дивизии — на полк Капрова вдоль железнодорожной линии Волоколамск — Москва и на полк Елина по Волоколамскому шоссе.

... По дороге к деревне Мыканино шагают семнадцать бойцов. Во главе — молодой лейтенант Петя Угрюмов. Он идет широким шагом, не оглядываясь по сторонам, как бы отмеряя расстояние.

Тонкий, бледный юноша нагоняет строй. Это политрук Григорий Георгиев.

Кругом грохочет земля, вздымаясь огненно-черными фонтанами разрывов. Воют мины и свистят пули. Горят дома. Впереди мелькают наши бойцы, перебегающие из ячейки в ячейку. С наблюдательных пунктов внимательно смотрят вдаль наши командиры. На заснеженных полях, прорезанных траншеями, люди решили стоять насмерть.

Их семнадцать — истребителей танков. Они заняли позицию у деревни Мыканино.

... К мосту у деревни Строково подходит группа бойцов с тяжелыми ношами. Они по команде «по двое», «по трое» поспешно рассыпаются, волоча по снегу квадратные ящики. Кто поднимается на мост, кто под

мостом карабкается, взбираясь по толстым быкам на нижние опоры. Они что-то приспосабливают, прикрепляют, рубят топорами, стучат молотками, вбивают гвозди. Кажется, что они старательно чинят, ремонтируют...

Но нет! Они минируют мост: Им приказано с подходом вражеских танков взорвать его.

Их одиннадцать — саперов.

А тот, который перебегает от группы к группе, горячо жестикулирует руками и покрикивает на людей, требуя делать точно, как он хочет,— это и есть их командир лейтенант Иван Березин.

А вот пулей вылетел из траншеи, бежит назад и шагов через десять падает камнем, снова поднимается, бежит и снова падает — и так до самого леса — лейтенант Мухаметкул Исламкулов. Его вызывают в штаб полка.

...В гуще леса стоят повозки, покрытые брезентом, привязанные к ним лошади подбирают остатки разбросанного по снегу сена, а поодаль, под громадными елями, метрах в двадцати-тридцати друг от друга, дымятся походные кухни. Около каждой кухни — повар в замызганном, когда-то белом халате поверх полушубка, с черпаком в руке, несколько бойцов: кто рубит дрова, кто подкладывает поленца в топку, кто чистит мерзлую картошку. Это пищеблок батальона, где готовится обед. А люди, что находятся здесь,— это ездовые, повара и рабочие по кухне, выделенные по наряду. Их двадцать человек.

...На опушке леса позади Дубосеково лежит запорошенная снегом сопка. К ней тянутся телефонные провода. Это наблюдательный пункт командира полка. Врытый в сопку узкий бревенчатый блиндаж. В срубе — оконце. На треноге — рогатая артиллерийская

стереотруба, на дощатых скамейках — несколько полевых телефонных аппаратов в желтых кожаных чехлах и радиостанция с короткой антенной. Посредине блиндажа на столике горит пара восковых свечей.

Прильнув к окуляру стереотрубы, стоит небольшого роста, худощавый, с продолговатым лицом, узкими квадратными усиками полковник. Если бы не светло-серые с прищуром глаза, по цвету кожи можно было бы принять его за туркмена из знойных Кара-Кумов. Это Капров — самый старший по возрасту и по выслуге лет командир полка в дивизии.

Полковник наблюдает за полем боя и, не оборачиваясь, отдает распоряжения:

— Немедленно дать сосредоточенный огонь двух дивизионов по северной окраине Дубосекова: опять там показалась пехота с танками! Немедленно!.. Так, так, хорошо. Сообщите капитану Молчанову, что огонь артиллерии переносим на станцию, пусть он теперь рассчитывает на свои силы и средства. Прикажите артиллеристам засечь позиции дивизиона, который ведет огонь по высоте, подавить его... Ни в коем случае не трогаться с места, встречать огнем. Контратаковать — значит оголить позиции. Немедленно подвезти противотанковые гранаты и раздать бойцам.

В блиндаж входит генерал Панфилов. Его сопровождает сухой и щупленький, но с гордой осанкой артиллерийский подполковник. Если бы на нем не было аккуратной со вкусом подогнанной военной формы, он напоминал бы скульптурный портрет Вольтера, усмехающегося с философской холодностью: все в этом грешном мире преходяще, и перемен никому не избежать! Это — командир артиллерийского полка дивизии Георгий Федорович Курганов.

— Товарищ генерал-майор, вверенный мне полк...

— Здравствуйте, Илья Васильевич,— прерывает Капрова генерал, подавая ему руку.— Садитесь, старина, садитесь.

Потом не спеша расстегивает крючки на полушубке, говорит:

— Вот что, Илья Васильевич...

— Я, товарищ генерал.

— У вас, товарищ полковник, а по совести говоря, у нас с вами, Илья Васильевич, на деле не выходит ни по-генеральски, ни по-полковничьему. А? Как вы изволите думать, сударь мой?

— Товарищ генерал...

— Я генерал давно,— повысив голос, прервал его Панфилов.— Что толку с этого, Илья Васильевич? От рубежа Рузы отошли, Волоколамск сдали, а ваш левый фланг... Вы сегодня сдали противнику станцию...

— Я не сдавал, товарищ генерал, у меня отобрали.

При этих словах Курганов громко хохочет, Панфилов тоже не может сдержаться.

— Значит, вы говорите, у вас отобрали? — переспрашивает он.

— Так точно, товарищ генерал! Ведь в нашем боевом уставе предусмотрен и отход. Мы под натиском превосходящих сил противника отошли организованно, как это полагается.

— Значит, по уставу?

— Так точно, товарищ генерал!

— Значит, так точно по уставу, товарищ полковник? А вы знаете, что наш устав запрещает отход войск без приказа старшего командира? Вы, Илья Васильевич, не оправдывайтесь статьями устава, тем более, что они не в нашу пользу, а лучше обоснуйте ваши решения конкретно сложившейся обстановкой боя.

— Он же сказал, товарищ генерал, что не сдал, а у него отобрали. По-моему, это честно и конкретно,— смеясь, говорит Курганов.

— Ну, довольно нам философствовать, и, как говорил Чапаев, «на все сказанное здесь наплевать и забыть»! Давайте-ка лучше разберемся, что у вас тут происходит. Ведь я с товарищем Кургановым не от хорошей жизни к вам пожаловал, Илья Васильевич. Доложите-ка толком, как тут у вас дела?

— Дела, товарищ генерал, по-честному говоря, неважные, даже скверные. Вот посмотрите, товарищ генерал, на карту...

— Зачем на карту? Мы же находимся на переднем крае. Лучше покажите на местности. Небось карту я умею читать.

Через час они возвращаются на наблюдательный пункт. Все трое суровы и сосредоточенны.

— Ну что же, Илья Васильевич, показали вы все. Немец вас очень уж облюбовал! Обнял он вас по-любовному и никак рук своих разнять не может. Вы жалуетесь на плохие дела, а я доволен. Держите его так до вечера, а ночью он перегруппируется и утром снова начнет вас молотить.

— Не знаю, товарищ генерал, если он еще нажмет — выдержим ли?

— Что значит — выдержим ли?! — строго перебивает его Панфилов.— Вам приказано держаться!

— Есть держаться!

— Если вы не растеряетесь, он сегодня серьезной атаки не предпримет,— до того он завяз и втянулся в бой. Дождитесь вечера, перегруппируйтесь и встречайте его огневой пощечиной завтра утром, когда он снова пойдет в атаку. Для нас опасны его танки. Поставьте всю артиллерию на открытую огневую позицию.

— Товарищ генерал, и мои? — встревоженно спрашивает Курганов.

— Да, и ваши. Пусть стреляют прямой наводкой по танкам противника.

— Тогда мы за один день можем потерять всю артиллерию.

— Потерять, разумеется, кое-что потеряем, но не всю. Итак, всю артиллерию на прямую наводку, до единого орудия, за исключением моего резерва!

— Слушаюсь, товарищ генерал!

— Самое главное для нас — завтра дать противнику бой, вынудить его ввести два полка, что стоят в районе Ивановского и западнее Волоколамска. Пока у него поблизости других резервов нет. Надо сбить ему холку здесь, на этом рубеже, а дальше посмотрим, как он будет ковылять за нами. Вы меня поняли?

— Понял, товарищ генерал!

— Вы здесь оставайтесь, товарищ Курганов, а я поеду к Елину и Шехтману. Их полкам тоже не сладко приходится. Сегодня немец весь день авиацией и артиллерией гвоздит и гвоздит по Ядрову, Мыканину, Ченцам — все к шоссе рвется...

Серое, туманное утро. Как и вчера, громовая артиллерийская канонада. Как и вчера, идут жаркие бои. К полудню туман рассеялся, выглянуло солнце. В воздухе появились самолеты. Они кружатся, просматривают цели, делают заходы, пикируют, бомбят...

Лейтенант Березин перебегает из окопа в окоп. Перед мостом, так же как и в Осташове, в кюветах валяется, задрав вверх колеса, несколько мотоциклов, там и сям лежат трупы в серых шинелях. Немецкие цепи...

— Ведите огонь, перебегая из ячейки в ячейку! Два-три выстрела и — марш в другую ячейку. Живо!

Иванов, ты что в белый свет стреляешь? Целься хорошенько! Я тебе дам пули за молоком пускать...

Так он бежит от бойца к бойцу, от ячейки к ячейке.

На позицию саперов обрушивается беглый огонь крупнокалиберного артиллерийского дивизиона, словно завыл хор сотен ведьм, потом загрохотал сказочно громадный барабан. Вздымаются ввысь десятки огромных черно-огненных столбов. Со скрежетом, рокотом поползли танки...

— Приготовить запалы, проверить шнуры! — приказывает лейтенант Березин.— Следить за мной!

Вот головной танк подошел к мосту, остановился, трижды изрыгнул из орудия огненную струю, затрещал пулеметом и уверенно пополз по настилу. За ним последовали еще три танка... Наши саперы побежали под мост. Танки ползут медленно, осторожно. Головной вот-вот «перешагнет» мост и начнет мять гусеницами шоссе. Но в это время лейтенант Березин с окровавленной головой приподнимается из окопа. Лицо его измазано грязью, глаза злые, губы стиснуты. Он резко опускает поднятую руку И в то же мгновение вспыхивает ослепительный свет: огромные серые клубы дыма, как бы распирая ложбину, с оглушительным грохотом обволакивают мост... Казалось, выросла над землей гора из облаков самой причудливой формы. Не видно ни моста, ни танков, ни лейтенанта Березина.

...Лейтенант Угрюмов и политрук Георгиев стоят рядом, прислонившись к стене траншеи. Угрюмов подымается на носки, вытягивает шею и спрашивает Георгиева:

— Что вы там видите, товарищ политрук?

— Что? Все прут и прут. Жмут, Петя, жмут, гады, пачками падают и снова пачками поднимаются... Вон танки показались...

— Не по мне, не по моему росту вырыли эту проклятую траншею,— с досадой говорит Угрюмов, нагибаясь и подкладывая себе под ноги два пустых патронных ящика. И, взобравшись на них, добавляет: — Со вчерашнего дня их за собой таскаю. Эх, мать моя, и зачем ты меня таким низкорослым родила?!

— Не горюй, Петя. Рост — дело наживное. Ты у нас маленький, да удаленький.

— Ха-ха! Вот это здорово! «Рост — дело наживное» — вот так сказанул!

— Я правду говорю, Петя, попомни мои слова,— смущенно бормочет Георгиев, поняв, что сказал нечто несуразное.— Через годика два ты по крайней мере вершка на два подрастешь. Ты же еще совсем молодой парень, тебе еще расти да расти...

В это время рой пуль со свистом проносится над головами, и бойцы невольно пригибаются.

— Знаете, товарищ политрук, что я думаю?

— Не знаю. Но ты же командир! Принимай решение.

— Я думаю, что нам надо геройство проявить.

— Как?

— Вот видите, штук двадцать танков прямо на наши окопы прут? У нас у каждого по связке противотанковых гранат. Они очень тяжелые: их дальше пятишести метров не бросишь. А мы подождем немного, и как только танки начнут гусеницами лапать брустверы, швырнем связки под самое брюхо. Это уже наверняка будет, товарищ политрук, ей-богу, распотрошим!

— Давай, Петя! Ты справа, а я слева — командовать и пример подавать.

— Давайте, товарищ политрук!

Танки идут развернутым строем. Бойцы, притаившись в окопах, вставляют в гранаты крючковатые, тол-

щиной с папиросную гильзу взрыватели. Вот первый танк с лязгом подполз к траншее — боец поднялся и бросил связку гранат. Под танком сверкнул взрыв. Танк перекатился через траншею, завертелся, остановился и запылал.

И так за несколько минут — двадцать костров над траншеями. С флангов строчат и строчат наши пулеметы, прижимая к земле немецкую пехоту, идущую за танками.

На дне траншеи с запрокинутой головой, с детской улыбкой на лице лежит Петр Угрюмов — простой русский паренек...

...Лейтенант Исламкулов, возвращаясь из штаба полка, по пути задержался в пищеблоке батальона, что стоит в лесу. Он сидит на ящике из-под продуктов и из котелка, принесенного поваром, ест щи.

— Товарищ лейтенант! Немцы за поляной,— докладывает подбежавший боец.

— В ружье! — дает команду Исламкулов, отставляя котелок.

Он выстраивает бойцов и ведет к опушке леса. Действительно, с противоположной опушки к полянке идут немецкие цепи в маскхалатах. Исламкулов расставляет людей в пяти-шести метрах друг от друга, за толстыми стволами деревьев, сам становится в центре, прислонившись к стволу ели. Когда немцы подходят к середине поляны, он командует:

— Огонь!

По этой команде гремит залп двадцати винтовок.

— Огонь!

Снова и снова залп...

Просочившиеся в тыл автоматчики противника частью уничтожены, частью рассеяны по лесу. Внезапный удар с тыла предотвращен.

...Впереди — лента железнодорожной насыпи. Она правильной дугой возвышается над горизонтом. Торчит несколько домов из красного кирпича, под черепичными крышами. По сторонам этих домов вытянули свои шеи полосатые журавли шлагбаумов. У подъезда к железнодорожному полотну на столбиках висит прямоугольный жестяной лист, изрешеченный пулями и осколками: «Берегись поезда».

Это разъезд Дубосеково.

Траншеи, стрелковые ячейки запорошены снегом. В ячейках — бойцы в полушубках. Опираясь винтовками на бруствер окопа, они прицеливаются, стреляют; перезаряжая винтовки, дыханием согревают пальцы, обожженные холодным металлом затвора, и снова прицеливаются и снова нажимают спуск. Выстрел, выстрел... Позади раздается гул орудийных залпов. Впереди, в самой гуще немецкой цепи, вздымаются фонтаны взрывов, кто-то падает и больше не встает, кто-то бежит назад; в воздух летят каски, летят рукава, сапоги, штанины, полы шинелей... Несколько танков, идущих впереди пехоты, завертелись волчком, обволакиваемые густым черным дымом, неподвижно застыли на месте...

— Вот это здорово! — восклицает высокий красивый брюнет с тремя кубиками в петлицах. Он в растегнутом полушубке, ушанка съехала назад, черные курчавые волосы развеваются на ветру, бинокль на тонких ремешках болтается на груди.— Молодцы наши артиллеристы! Молодцы! — кричит он.— Прямо, как пить дать, накрыли фашистов!

Он хлопает по плечу бойца, дергает его за воротник и радостно говорит ему:

— Видал, как наша работает, а? И ты братец, тоже не зевай! Видишь, как наша берет?!

Это политрук четвертой роты Василий Клочков. Под сильным огнем противника он пробрался во взвод, оборонявшийся у Дубосекова.

Их было двадцать восемь.

Вдруг загрохотали, подобно раскатистому грому, залпы сотен орудий. То со свистом, то с воркующим шелестом полетели снаряды, с воем — мины. У огневых позиций нашей артиллерии забарабанили сотни взрывов. Сверкнув в воздухе огненно-красной струей, рвались шрапнельные снаряды, со свистом брызгая пулями, оставляя в воздухе облачные барашки серого дыма.

Зловеще-жуткая симфония выстрелов, свиста, воя и взрывов продолжалась минут двадцать. Все обрушивалось на опушку леса, откуда прямой наводкой вела огонь по танкам наша артиллерия. Черный туман густел, обволакивая опушку.

— Смотрите, товарищи, что там делается!— кричит Клочков.— Смотрите, как он навалился на наших артиллеристов! Он хочет подавить нашу артиллерию, чтобы очистить путь своим танкам...

Увидев над лесом нелепо крутящиеся в воздухе орудийные колеса и бревна от сруба наблюдательного пункта, разбитого крупнокалиберной фугаской, Клочков со злобой, как бы самому себе говорит:

— Да-а-а! Им пока неплохо удается давить наших! Эх, проклятые!

— Товарищ политрук!— окликает его боец.— Самолеты!

Действительно, на горизонте, как стая стервятников — грифов, тройками, пятерками идут самолеты.

— По местам! Командиры, ко мне!— приказывает Клочков.

По его команде бойцы занимают свои места в траншеях. Подбежавшим командирам Клочков кратко чеканит:

— Сейчас он закончил свой артиллерийский налет, начнет бомбить и обстреливать с самолетов, потом пустит танки. Всем приготовить гранаты и горючку. Ни шагу назад!

Штурмовики, звено за звеном, пикируют, обстреливают, бомбят. Впереди слышен рев моторов. Развернутым строем, ведя огонь с коротких остановок, идут танки. Позади раздаются отдельные выстрелы наших уцелевших орудий. Один снаряд попадает прямо в башню головного танка. Делая зигзаги, танк продвигается еще на несколько метров и останавливается.

— Оживаете, милые! — радостно кричит Клочков, оборачиваясь назад.

Затем еще несколько метких выстрелов. Но танков много, они идут, идут...

— Выходит, жидковато стало у нас с артиллерией,— бурчит с досадой Клочков. Затем, поправив съехавшую ушанку, кричит: — Ребята! Приготовить гранаты! На каждого брата приходится по два.

Политрук идет по траншее и, подойдя к бойцу, повторяет:

— На каждого по два. Это уже не так много. Только ты подпусти его поближе...

— Ничего, товарищ политрук,— отвечает боец с напряженной улыбкой,— одного вот этой связкой, а другого горючкой постараюсь.

— Так и будет! — крепко жмет ему руку Клочков.

Разгорелся неравный бой пехоты с танками. Пока танки ползут в восьмидесяти-ста метрах от траншеи, бойцы ведут огонь по смотровым щелям. Несколько танков останавливается. Видимо, брызгами шлепаю-

щихся о броню пуль поражен водитель или наводчик. Другие танки с грохотом идут прямо к траншеям. Кажется, уже вот-вот перекатятся через траншеи... И вдруг — несколько одновременных оглушительных взрывов, и у самого бруствера задымили, запылали передние танки. Но вот одному танку удается перекатиться через траншею, подмяв под себя бойца. Его сосед, выскочив из траншеи, метнул вдогонку бутылку с горючей смесью. Танк запылал, а боец, сраженный пулей, пошатнулся и упал в траншею.

Клочков грузно прислонился к стене окопа и на мгновение опустил голову.

— Товарищ политрук, вы ранены? — с тревогой спрашивает подбежавший боец.— Идите в медпункт!

— Да, что-то сильно обожгло здесь. Ничего, заживет... Вот еще ползут!— встрепенувшись от сильной боли, бледный, он обращается к бойцам: — Велика Россия, но отступать некуда — за нами Москва!

Со связкой гранат он бросается на надвигающийся танк. Примеру Клочкова следуют оставшиеся в живых бойцы.

У разъезда Дубосеково на израненном снарядами и авиационными бомбами поле замерли объятые дымом и пламенем вражеские танки...

К полудню в Горюны приехал на вороном коне начальник артиллерии нашей дивизии подполковник Виталий Иванович Марков. Приземистый, с прямым носом, прищуренными серыми глазами, на вид — не больше сорока. Слезая с лошади и здороваясь со мной, он сказал:

— Меня к вам послал генерал. Его самого вызвали в штаб армии.

Когда мы вошли в избу, все встали, приветствуя подполковника. Поздоровавшись с ними за руку, Марков не спеша разделся, сел и, поглаживая светлые волосы, сказал в тоне не приказа, а как бы просьбы:

— Вы, ребята, идите погуляйте, мне нужно с комбатом поговорить.

Офицеры и солдаты безмолвно вышли.

Марков развернул свою карту на столе и, разглаживая ее, сказал:

— Трудно приходится, но люди, по совести говоря, дерутся хорошо. Уже вторые сутки держим противника. Много потеряли и людей и техники, но пока деремся. Сегодня наша авиация неплохо работала, и это нам очень помогло...

Далее Марков по карте подробно сориентировал меня в обстановке, показал, на каких рубежах какой полк ведет бой, где и когда вклинился в нашу оборону противник. На его рабочей карте, которую он вел с артиллерийской педантичностью, линия фронта располагалась глубокими зигзагами, напоминая русло извилистой реки.

Он с тревогой говорил о том, что к исходу дня противник может ввести в бой свои вторые эшелоны, которые, видимо, приведены в порядок после того, как наша авиация днем накрыла их на исходном положении. Марков опасался, выдержат ли наши до вечера. Говорил, что генерал поехал к командующему просить подмоги или разрешения отвести полки под покровом ночи на следующий рубеж...

— Пойдемте посмотрим, как все это выглядит на местности,— приказал полковник. Мы пошли...

Вернувшись в штаб, Марков аккуратно нанес на свою карту положение батальона, огневые позиции и, свертывая карту, сказал:

— В основном, полагаю, вы приняли правильное решение. Думаю, что генерал одобрит его. Я ему доложу. Только у вас не продумано, как вы будете пропускать войска через свои боевые порядки, если наши сегодня начнут отход. Давайте вместе обдумаем.

Мы исчертили несколько листов бумаги, обдумывая ряд возможных вариантов.

Прощаясь со мной, Марков сказал:

— Ну, остается пожелать вам удачи. О том, что с вами решили, подробно доложу генералу.

Я поблагодарил за советы.

Как рокот морского прибоя при сильном шторме, доносились издали непрекращающиеся грозные раскаты боев. Над Горюнами эскадрилья за эскадрильей шли наши самолеты. Шли низко, почти прижимаясь к лесу. Выше их, слово буревестники, носились в небе наши маленькие истребители, прикрывая боевые действия штурмовиков. Мы волновались, от души приветствовали наших воздушных бойцов...

— Ну и достанется теперь немчуре, товарищ комбат,— как ребенок, прыгал от радости Бозжанов.— Смотрите, пикирует, а отсюда еще идут, еще.

Меня вызвали к телефону.

— Товарищ Момыш-улы?

— Я вас слушаю, товарищ генерал.

— Где так долго были?

— Обходил позиции, товарищ генерал. Надо было кое-что уточнить.

— Я только что вернулся от хозяина. Он обещал кое-чем помочь нам. Пока он помогает птицами...

— Да, товарищ генерал, они пролетают над нами,— перебил я генерала.

— Хорошо, что вы видите их. Вот мне Виталий Иванович все о вас рассказал. Я согласен с вами, но

почему вы сосредоточили все только на юге? А если он вас обойдет и пожалует к вам с севера, со стороны Покровского, что тогда будете делать? Тыл-то у вас совсем голенький, выходит.

— Тянул, тянул, товарищ генерал, но никак не растягивается.

— Ишь вы какой!— послышался тихий смех в микрофон.— Говорите — «не растягивается?»...

— Да, товарищ генерал.

— Вот что, вы не тяните, оставьте все так, как у вас расставлено, но готовьте запасные позиции и по другую сторону Горюнов.

— Есть, товарищ генерал, сейчас пойду...

— Нет, вы сами не ходите. Вы мне нужны будете. Растолкуйте и пошлите людей. К вам скоро красавица в гости приедет, примите ее как хороший хозяин.

— Какая красавица, товарищ генерал?

— Хе-хе,— рассмеялся генерал.— Когда приедет — увидите. Как только она приедет, позвоните мне.

Я вызвал Рахимова, Бозжанова, Танкова. Иллюстрируя схемой, высказал им свои соображения. Если раньше наш огневой щит из всех видов оружия был направлен на юг, в сторону Ядрова, откуда мы ждали противника, то теперь этот щит мы готовы в нужный момент перенести на север, к Покровскому, на случай, если противник ударит с тыла.

Когда я высказал товарищам недоумение по поводу приезда к нам какой-то красавицы, которую генерал приказал мне хорошо встретить, лейтенант Танков расхохотался. Я хотел было на него прикрикнуть, но он так непосредственно смеялся, что я невольно сдержался. Его ранее строгие глаза теперь искрились.

— Это же, товарищ комбат, «Катюша!» — сказал он.

— Какая Катюша? — строго спросил Рахимов.

— Это новый миномет с реактивными снарядами «РС». Почему-то его прозвали «Катюшей».

Вскоре ко мне вошел высокий капитан с квадратной курчавой черной бородой. Он был в новом полушубке с белым воротником. На голове кубанка из серого каракуля с бордовым суконным верхом. Обут он был в лохматые суконные бурки, отделанные светло-коричневой кожей. Видимо, я настолько был изумлен резкой контрастностью во внешнем облике этого «цыгана», что не сразу встал. И лишь когда он недовольным голосом пробасил: «Кто тут командир батальона?»,— я вскочил и представился.

Капитан нахмурил густые брови, без приглашения опустился на табурет и в свою очередь как бы нехотя представился:

— Командир дивизиона гвардейских минометов капитан Кирсанов.

«Значит, не так его встретил»,— промелькнуло у меня, и чтобы выйти из этого положения, я спросил:

— Как ваше имя, отчество, товарищ капитан?

— Я вам, кажется, ясно сказал, что я — капитан Кирсанов,— рявкнул он на меня.

— А меня зовут Баурджаном.

— Нечего тут бурлыбуржунчикать! — оборвал он меня.— Давайте лучше делом займемся.

— Есть, товарищ капитан. Давайте займемся. Но я должен сначала доложить генералу о вашем прибытии.

— Докладывайте,— небрежно бросил он.

Я по телефону доложил генералу. Когда генерал приказал мне передать трубку «Марии Ивановне», я еле удержался от смеха, передавая трубку бородачу.

— Капитан Кирсанов у телефона, товарищ генерал... Здравствуйте... Прибыл в ваше распоряжение... Порядок, товарищ генерал... Пока связи нет, но через час наладим... Есть!.. Есть!.. Понял вас, товарищ генерал... Да, да... Передаю,— все это капитан говорил на два тона ниже, чем только что со мной.

Кирсанов передал трубку мне.

— Товарищ Момыш-улы, с «Марией Ивановной» я буду держать связь через вас. Дайте ему двух командиров. Людей, если сможете, накормите. Связь со мной держите в исправности. Все делать только по моей команде. Я отсюда буду махать палочкой.

После того как я положил трубку, капитан, облокотясь на стол и подаваясь вперед, спросил:

— Ты что, старший лейтенант, у своего генерала вроде личного уполномоченного здесь сидишь?

— А что, товарищ капитан?

— Больно уж он о тебе уважительно говорил.

— Он у нас не грубиян, товарищ капитан.

— М-да-а, ты, я вижу, парень из злопамятного десятка.

— Впрочем, я знаю ваше имя, отчество, товарищ капитан.

— Откуда знаешь?

— Генерал величал вас Марией Ивановной,— пошутил я.

Кирсанов раскатисто засмеялся. В это время вошли Рахимов и Бозжанов. Ответив на их приветствие, Кирсанов сказал, улыбаясь:

— Техника наша новая, специальная. Как только нас не кличут: и «Катюшей», и «Марией Ивановной», иные просто «рамой». А меня, коль хочешь знать, зовут Сергеем Ивановичем...

С Сергеем Ивановичем мы решили ряд неотложных дел: одного его наблюдателя отправили с нашим офицером к полковнику Карпову, другого — в район Ядрова, к майору Елину, командиру нашего полка. В комнату втащили радиостанцию Кирсанова, Рахимов пошел распорядиться насчет установления телефонной связи между нашим командным пунктом и позицией дивизиона «РС», что стоял в лесу, севернее железнодорожной будки. Наш штаб превратился в узел не только проволочной, но и радиосвязи.

Кирсанов разделся, развернул свою карту, не торопясь, вынул из планшета хордоугломер, транспортир, целлулоидный артиллерийский круг, угольник, циркуль-измеритель, коробку остро отточенных цветных карандашей. Все это он расставил на столе, посмотрел и сказал:

— Итак, мое рабочее место готово. Теперь можно приступить к подготовке данных для стрельбы хотя бы по карте. Как ты думаешь,— обратился он ко мне,— по какому району в первую очередь потребуется? У меня всего двадцать пять залпов. Ваш генерал приказал экономить.

Я пододвинулся к его карте, высказал свои соображения и указал на ряд участков на переднем крае, где шли бои. Кирсанов внимательно выслушал меня, нанес на карту позицию дивизиона, пометил карандашом те участки, которые я указал, взял в руки угольник, измеритель и, склонясь над картой, задумчиво сказал:

— А теперь, как говорят хохлы, треба трохи пидрахуваты,— и начал производить расчеты.

Бозжанов, все это время безмолвно стоявший в стороне и следивший с явным любопытством за капитаном, незаметно вышел. Он вернулся на цыпочках, держа, к моему удивлению, в одной руке тарелку с закус-

кой, а в другой — бутылку водки. Указывая глазами на сосредоточенного Кирсанова, он подмигивал мне, как бы объясняя: «Нужно гостя попотчевать». Я одобрительно кивнул. Джалмухаммет осторожно поставил тарелку на край стола и налил полстакана водки. Кирсанов посмотрел исподлобья и, не отрываясь от работы, сказал:

— Полный!

Бозжанов хитро улыбнулся и долил стакан, а бутылку поставил рядом с ним.

Кирсанов отмеривал расстояния на карте, чертил множество треугольников, то транспортиром, то целлулоидным кругом измерял углы, записывал данные на полях карты, снова измерял, снова рассчитывал, проверяя свои записи. А я с нескрываемым любопытством следил, как он сосредоточенно и аккуратно решает множество тригонометрических задач. Я — неплохой чертежник и артиллерист — завидовал Кирсанову, его вдумчивой и красивой работе.

Вдруг раздался зуммер полевого телефона. Я поднял трубку.

— Товарищ Момыш-улы?

— Слушаю вас, товарищ генерал.

— Как у вас там, с «Марией Ивановной» все улажено? Как со связью?

— Готово, товарищ генерал...

— Летуны сообщили, что на станции скопление войск, видимо, этот его второй эшелон по Капрову стукнуть собирается, дайте туда для начала два залпа.

Кирсанов быстро проверил свои расчеты, взял трубку другого телефона.

— Огневая, цель номер... угломер... уровень... прицел... пока пристрелочный. Готовность доложить!

Затем он подошел к радиостанции, надел наушники и, держа в руке микрофон, начал:

— Буря, я — Молния. Прием! Цель номер... Пристрелочные. Прием!.. Хорошо... Следите... Доложите... Я на приеме.

Отдав наушники и микрофон радисту, он сел на табурет и спросил телефониста:

— Огневая готова?

— Цель номер... угломер... уровень... прицел... готово! — повторил доклад огневой телефонист.

— Огонь! — приказал Кирсанов.

— Огонь! — повторил телефонист.

— Выстрел!

— Вправо ноль-ноль... ближе...— сказал радист. Кирсанов быстро произвел корректировку своих расчетов и, обращаясь к телефонисту, сказал:

— Левее ноль-ноль... уровень... прицел...

Телефонист повторил команду капитана в микрофон.

— Готово!

— Огонь!

— Выстрел!

— В цель! — радостно кричит радист.

— Веер! — командует Кирсанов.

— Веер! — передает телефонист.

— Два залпа дивизионом — огонь!

До нас доносятся один за другим два раската грома.

— В цель! — передает радист доклад наблюдателя.

— Огонь! — повторяет Кирсанов.

Опять раздаются два громовых залпа.

— В цель! — говорит радист.

— Товарищ капитан, ведь генерал приказал два залпа, а вы четыре дали,— взволнованно говорю я.

— Да, малость ошибку дал,— отвечает Кирсанов и, как бы обозлившись на себя, орет телефонисту: — Стой! Цель номер... Записать установки! — Тот передает эту команду на огневую.

— Знаешь что,— виновато обращается ко мне Сергей Иванович,— если генерал сам не догадается, ты не говори ему, что дали четыре залпа. Он же приказал мне экономить...

— Как говорится, товарищ капитан, кашу маслом не испортишь: раз в цель — значит, на головы фашистов...

— Ай да молодец вы!— вскакивает он и изо всей силы хлопает меня по плечу. Я чуть не присел, а он хохочет.— С тобой, я вижу, можно работать... Как тебя зовут-то? Что-то я не запомнил.

— Это не важно, товарищ капитан.

— Нет, ты мне скажи. Я же тебе сказал.

— Ба-ур-джан,— произнес я по слогам.

Капитан повторил мое имя и хлопнул меня по другому плечу. И опять я чуть не присел от его сильного удара. Меня вызвал к телефону генерал и сказал:

— Летуны сообщают: «Мария Ивановна» удачно угодила по немчуре и наделала там переполоху. Пока не успели опомниться, повторите еще разок.

Пока я разговаривал с генералом, капитан, подобно провинившемуся школьнику, подмигивал мне, как бы напоминая о своей просьбе умолчать о тех двух залпах.

Я передал ему приказание генерала. Он, серьезно задумавшись, сказал:

— А как же быть с теми двумя залпами, что мы дали без приказа генерала?

— Ничего, товарищ капитан, раз такое удачное попадание, уж не будем экономить немцев. Приказано повторить — надо повторить.

— А что, если генерал записывает все залпы? — спросил он меня с тревогой.

— Ну что же, тогда признаемся, что вместо двух дали четыре.

— Огонь! — скомандовал он.

— В цель! — доложил радист.

От генерала не было звонка в течение полутора часов. В ожидании звонка мы с капитаном просидели все это время в напряженном молчании. Вдруг раздался долгожданный зуммер. Телефонист протянул мне трубку. На сей раз генерал говорил, что Елин оставил Ядрово, а из Возмища вытягивается колонна немцев, и приказал дать по обоим этим пунктам по два залпа дивизионом.

Опять расчеты, команды, доклады, пристрелки, как это было на станции, и наконец повелительное: «Огонь!».

Радист растерянно хлопает глазами и робко произносит: «Недолет». Капитан вскакивает с места и с яростью обрушивается на радиста:

— Что-о-о? Что ты сказал?

Бедный юноша виновато пятится назад. Резко повернувшись к телефонисту, капитан вырывает у него трубку и кричит во все горло:

— Огневая!.. Немедленно старшего!

Видимо, услышав голос старшего офицера, он багровеет, большие черные глаза наливаются кровью, он выпаливает:

— Почему недолет? Доложить установки!.. И какой только дурак выпустил тебя из артиллерийского училища? Уровень-то не тот... Ты еще оправдываешься? Эх, жаль, что ты не при мне...— А сам вцепился рукой в гущу своих курчавых волос. Мне казалось, что он

вот-вот вырвет их вместе с кожей. Я подумал: «Этот человек в гневе может растерзать льва».

Подойдя к нему, сказал:

— Товарищ капитан, когда же будет огонь?

Как бы опомнившись, Кирсанов выругался и продолжал в микрофон:

— Поправьте уровень! Огонь! — И, швырнув трубку, которую успел на лету поймать телефонист, он сел на табурет, обеими руками вцепился в свои волосы и в лихорадке все еще неугасшего гнева процедил сквозь зубы: — Из-за таких вот недоучек сотни снарядов в белый свет пустишь... Э-э-эх! — стукнул он кулачищем по столу.— Я тебе еще покажу!

Мне казалось, что он вот-вот разрыдается.

— В цель! — бодро крикнул радист.

— Что? — недоуменно поворачивается капитан к радисту.

— В цель, товарищ капитан! — повторил радист.

— Огонь! Огонь! Огонь!

Загрохотал залп за залпом.

Капитан, словно дирижер, отбивает кулаком по столу, захваченный ритмом залпов.

— В цель! В цель! В цель! — слышен голос радиста.

— Передать на огневую: трижды подлецы, трижды молодцы! Стой! Записать установки!

Капитан, весь обмякший, опустился на табурет.

— Ну что вы, товарищ капитан, стоит ли так сильно переживать один неудачный залп? — пытался я успокоить его.

Последующие залпы дивизиона по заявкам генерала снова прошли удачно, без всяких стычек между капитаном и огневой.

... Небо затянула густая мгла. Хлопьями повалил снег...

Позвонил Марков.

— Иван Васильевич поехал к Шехтману,— спокойно сказал он,— приказал ждать его сигналов. Пусть Кирсанов готовит расчеты по Строково и Быкам. Немец свои усилия переносит туда. Хозяин хотел еще помочь ястребами, но, вы сами видите, как пухом сверху сыплется. Ах, какая досада!..

Мы ждали сигнала. Кирсанов потребовал поздний обед. Ему опять прислуживал Бозжанов, которому капитан явно полюбился. Сергей Иванович ел очень аппетитно и, насаживая на вилку кусок за куском мясо, со спокойной улыбкой рассказывал анекдоты с грубоватым украинским юмором. Бозжанов несколько раз выходил и возвращался с какой-нибудь едой.

Я смотрел на этих двух необыкновенных наших людей: один наслаждался едой и балагурил, а другой наслаждался тем, что обслуживал, и, видимо, как заботливая мать, радовался, что «Сережа сегодня весел и хорошо поел».

Снова позвонил Марков. Приказал дать огонь по Строково, по Быкам.

... Вечерело. Позвонил генерал.

— Я от Шехтмана говорю. Как там у вас?

— Раза три и нам досталось, товарищ генерал.

— Ничего, пока он вслепую бьет...

— Да, но кое-какие из его шальных задели...

— Как «Мария Ивановна»? Сколько у нее рублей осталось?

— Кажется, четыре или шесть.

— Говорите четыре! — крикнул мне Кирсанов.— Два мне нужны для самообороны...

— Что там, кто мешает?

— Никто не мешает, товарищ генерал. Просто уточняем. Оказывается, у «Марии Ивановны» не шесть, а четыре рубля.

— Четыре? Всего четыре? — недовольно повторил генерал.— Елин оставил Рождественское и отступил на Шишкино. Дайте по Рож...— голос генерала оборвался...

— Да, неважные у вас дела,— сказал Кирсанов.— Выходит, отовсюду вас жмут. Не совсем ладно получается. А я, дурак, по своей глупости три залпа без плана бабахнул...

— Давайте по Рождественскому, товарищ капитан.

...Звонил Марков. Он говорил, что генерал сожалеет о том, что между нами оборвалась связь. Он не смог поблагодарить лично капитана Кирсанова и его людей за помощь. Кирсанову разрешается теперь уехать.

Я передал все это Кирсанову.

— Значит, вы здесь остаетесь,— нахмурив брови, сказал он.— Генерал-то у вас, видимо, человек старой закалки... А нам больше здесь нельзя оставаться: сам знаешь, техника у нас новая, пока секретная. Я бы остался с вами и пошел бы в штыки, но приказ, как ты сам понимаешь, есть приказ... Вели всех твоих раненых ко мне нести — хоть их отвезу в госпиталь...

Кирсанов тепло и грубовато-просто попрощался со всеми нами, сел в свою машину и уехал. Бозжанов долго провожал его глазами и потом произнес немного с грустью:

— Хоть и медведь он, а хорош капитан! Побольше бы таких артиллеристов...

Когда стемнело, звуки боя несколько утихли. Приехал подполковник Марков. Он сориентировал меня в

обстановке к исходу минувшего дня, разъяснил некоторые детали в полосе обороны нашей дивизии. По словам Маркова, соседи нашей дивизии тоже вели ожесточенные бои, и благодаря их стойкости противнику не удалось обойти оборону нашей дивизии с флангов. Со второй половины дня командующий основные усилия авиации и артиллерии сосредоточил на полосе обороны нашей дивизии и вступил в бой частью сил из своего резерва. Дальнейшее продвижение вклинившихся частей противника было приостановлено. Были нанесены удары авиацией и дальнобойной артиллерией по его резервам и тем самым предотвращен своевременный ввод их в бой для наращивания силы удара в глубину нашей обороны на главном направлении.

Таким образом, общими усилиями, во взаимодействии с соседями, авиацией и артиллерией прорыв нашей обороны был предотвращен, хотя противнику местами удалось глубоко вклиниться в боевые порядки дивизии.

— Генерал считает,— говорил Марков,— исходя из оценки обстановки, что противник за два дня втянул в бои почти все свои силы и средства, и полагает, что без соответствующей перегруппировки он, по крайней мере сегодня ночью, каких-либо серьезных действий не предпримет. Поэтому генерал Панфилов решил воспользоваться этим, вывести за ночь полки из боя и к утру занять новый рубеж. Если командующий утвердит это решение, то полки немедленно начнут отход,— заключил Марков.

Далее он приказал мне установить связь с полковником Капровым, быть в боевой готовности, выставить вперед надежных людей, которые организованно и по безопасным местам провели бы отходящие группы через наши боевые порядки, а сам уехал на правый фланг дивизии, к полковнику Шехтману.

В сопровождении адъютанта вошел полковник Капров. На нем был испачканный грязью полушубок, один валенок в двух местах порван осколками — из дыры виднелся край белой портянки.

И без того худой, он еще больше осунулся и оброс. Я предложил ему табурет, но он, качаясь, пошел в угол, сел на пол, расстегнул пояс и, сказав: «Прямо ноги не держат»,— со вздохом повалился на спину. Стоящий рядом связист ловко подложил ему под голову свой противогаз.

— Спасибо, брат! — еле слышным от усталости голосом поблагодарил полковник бойца.

— Вы ранены, товарищ полковник? — спросил я его.

— Нет, дорогой, просто чертовски устал,— ответил он.— Минут через пять доложите генералу, что я здесь.

Мой ординарец Николай Синченко принес матрац, подушку, одеяло и, невзирая на протесты полковника, устроил ему постель, подал чаю.

Один за другим приходили запорошенные гарью боев офицеры штаба полка. Кратко доложив, получали указания и уходили. Вошел комиссар полка Ахметжан Мухамедьяров в испачканном кровью полушубке.

— Что с тобой? — с тревогой воскликнул Капров.

— Ничего, Илья Васильевич, гнедого убили, а я под ним минуты три барахтался...

Меня вызвали к телефону. Генерал приказал передать трубку Капрову.

— Я вас слушаю, товарищ генерал... Так, как было приказано... Да, да, прикрытие оставили... Тоже минируют, завалы тоже. Сейчас, спрошу Мухамедьярова...

Закончив разговор с генералом, Капров сказал комиссару:

— Генерал посылает еще шесть машин за ранеными.

— А я у тебя, Баурджан, реквизировал пищу из трех кухонь для раненых,— дружески сказал Мухамедьяров.

— Как же они сами-то? — забеспокоился Капров.

— И хорошо сделали, товарищ комиссар,— ответил я.

Капров развернул свою карту, показал мне, где им оставлено прикрытие, где минировано, где устраиваются лесные завалы, и, подробно ознакомив меня с другими мерами по обеспечению отхода полка, передал приказание генерала — принять общее командование над теми подразделениями полка, которые будут заняты прикрытием отхода основных сил.

В темноте проходили через Горюны угрюмые ряды бойцов — рота за ротой, батальон за батальоном ...

Я стоял рядом с Капровым и Мухамедьяровым и глазами провожал проходящие ряды боевых товарищей.

Когда я пишу эти строки, мне вспоминаются слова Дениса Давыдова: «Отступление сие названо только славным. А сие прилагательное от частых употреблений обесславилось... Я помню, какими глазами мы увидели эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую по́том трудов и кровью чести...

Каждый штык ее горел лучом бессмертия!»

Итак, наш батальон был одним из тех подразделений дивизии, которые вели бои на Волоколамском шоссе и действиями которых живо интересовался сам генерал Панфилов. На стр. 134 помещен фотоснимок последнего приказа Панфилова, полученного в те дни.

40/44 79

КОМАНДИРУ I БАТАЛЬОНА 1073 сп

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ № 90 ШТАДИВ 316 ГУСЕНЕВО 18.11.41г.4.00

карта 100.000 и 50.000

1. ЛЫСЦЕВО, ШИШКИНО занято танками с пехотой пр-ка. МАТРЕНИНО атакует 50 ед.

ПРИКАЗЫВАЮ:

2. Район ПТР от. МАТРЕНИНО, ГОРЮНЫ, ПОКРОВСКОЕ совместно с 768 ап ПТО, 8 танками с мотострелковым батальоном I гвардейской тбр-упорно оборонять.

ЗАДАЧА: Недопустить выхода пехоты и танков пр-ка на шоссе ВОЛОКОЛАМСК, ИСТРА.

Усиленное боевое охранение иметь в районе выс. 298.0

Мой КП - ГУСЕНЕВО.

Исполнение донести - 8.00 18.11.41 г.

КОМАНДИР ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
/ПАНФИЛОВ/ Панфилов

ВОЕНКОМ ДИВИЗИИ
СТ.БАТ.КОМИССАР
/ЕГОРОВ/ Егоров

НАЧ. ШТАБА
ПОЛКОВНИК Серебр... /СЕРЕБРЯКОВ/

[illegible] в [illegible]
[illegible] № I-I /1073 сп
[illegible] № 2-768 ап ПТО
[illegible] № 3- в дело.

НАЧ. I ОТДЕЛЕНИЯ
КАПИТАН [illegible]

[illegible] 3
[illegible] 4.50
[illegible] 5-30 получил
1073 № 168 [illegible] 611.

Командиру 1 батальона 1073 сп/44
Боевое распоряжение № 014 ШТАДИВ 316
Гусеново

18.11.41 г. 4.00
Карта 100.000 и 50.000

1. Лысцево, Шишкино занято танками и пехотой пр-ка. Матренино занимает сд.

ПРИКАЗЫВАЮ:

2. Район ПТР Ст. Матренино, Горюны, Мокровское совместно с 768 сп. ПТО, 6 танками с мотострелковым батальоном 1 гвардейской тбр. упорно оборонять.

ЗАДАЧА: Не допустить выхода пехоты и танков пр-ка на шоссе Волоколамск, Истра.

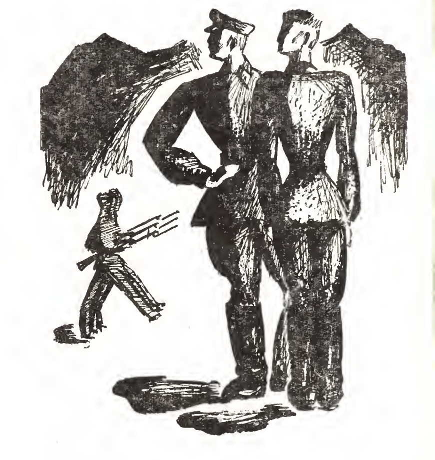
Усиленное боевое охранение иметь в районе выс. 298.0

Мой КП — Гусеново.
Исполнение донести — 8.00 18.11—41 г.

Командир дивизии генерал-майор
(Панфилов)
Военком дивизии ст. бат. комиссар
(Егоров)
Нач. штаба полковник
(Серебряков)

В последующие дни, несмотря на сдачу Горюнов и окружение, мы вели упорные сдерживающие бои, прикрывая отход главных сил. Мы выполнили приказ генерала Панфилова — продержаться до 20 ноября, но его самого к этому времени уже не было в живых...

Выйдя из окружения с боями и организованно, батальон скоро добрался до деревни Колпаки, где стоял штаб нашей дивизии. Настроение в штабе было мрачное. Меня довольно холодно принял новый командир

дивизии—грузный человек, полковник Желудков. Присутствовавшие при этом комиссар С. А. Егоров и начальник штаба дивизии полковник И. И. Серебряков были подавлены. Никто меня не спросил почти ни о чем. Я про себя вспомнил теплые встречи и расспросы незабвенного Ивана Васильевича Панфилова...

Мы шли в свой полк, который стоял в десяти километрах от штаба дивизии, шли молча, и это напоминало траурный марш.

Подойдя к деревне, где стоял штаб полка, мы увидели около роты выстроенных бойцов, командира и комиссара полка. Я остановил батальон, скомандовал: «Смирно! Равнение направо!» — и, салютуя клинком (который я носил по старой привычке до конца войны, даже будучи командиром дивизии), подошел строевым шагом к командиру и комиссару полка и громко отрапортовал:

— Товарищ командир, товарищ комиссар полка! — хотя последнее по уставу не полагалось, я нарочито произнес эти слова громче, отдавая должное стараниям Логвиненко, организовавшего нам торжественную встречу, а он от удовольствия словно помолодел лет на десять и стоял, по-детски улыбаясь.— Первый батальон вверенного вам полка выполнил боевое задание генерала Панфилова и прибыл в ваше распоряжение...

Командир полка майор Елин, приняв рапорт, подал мне руку, а комиссар Логвиненко обнял меня, поцеловал и, обращаясь к встретившей нас сборной роте, своим чуть хрипловатым голосом выкрикнул:

— Нашим славным товарищам, достойно выполнившим боевое задание нашего отца — генерала Панфилова, гвардейское «ура», товарищи!

Рота громко крикнула «ура», а мой усталый батальон без всякой команды подхватил замирающее эхо и

троекратно, протяжно прокричал: «Ур-ра!, Ур-ра!, Ур-ра»!

Мой боевой друг и товарищ Федор Толстунов стоял на правом фланге батальона и вытирал платком глаза.

Логвиненко был взволнован. Он вышел на середину строя, снял шапку-ушанку. На морозе его белесый чуб нелепо торчал во все стороны. Комиссар полка начал свою речь:

— Товарищи! Орлы боевые! Хлопцы дорогие! — тут он захлебнулся от волнения и закашлялся.— Я, как комиссар вашего полка, очень и очень рад вас видеть здесь. (Аплодисменты). Я, хлопцы боевые, вас всех обнимаю и целую. Я вас, товарищи, от всего комиссарского моего сердца поздравляю с боевыми успехами. (Аплодисменты). Вы, хлопцы, пережили много, но и мы пережили за эти дни немало. Мы тоже воевали, мы тоже не меньше вас страдали. Вы, товарищи, с достоинством, по-гвардейски выполнили боевое задание генерала Панфилова. Не скрою от вас, хлопцы: мы считали вас погибшими. Но вы, товарищи, стоите здесь здоровехоньки. Как наши деды говорили: слава богу. (Аплодисменты). Некоторые из ваших, из наших товарищей погибли в боях. Слава и честь им, героям, отдавшим жизнь за нашу Родину. Вы все снимите шапки (строй снимает шапки), молчите, хлопцы, и про себя произносите: «Вечная память и вечная слава павшим героям» (минутное молчание). Мне незачем говорить о долге советских воинов перед Родиной. Нам очень трудно и туго приходится. Но мы с вами большевики, мы — красноармейцы. До Москвы осталось совсем и совсем недалеко. Неужели мы позволим, чтобы фашисты до Москвы дошли?! Нет! Нет! Нет! Неужели мы, товарищи, позволим, чтобы немец, как это делали французы в

1812 году, мочился у стен древнего Кремля?! (Строй молчит). За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом отвагу и геройство наш командир дивизии генерал Иван Васильевич Панфилов, участник первой мировой войны, гражданской войны и этой, Великой Отечественной войны, награжден третьим боевым орденом Красного Знамени (аплодисменты), и наша дивизия преобразована из 316-й в 8-ю гвардейскую. В этом заслуга Панфилова как командира и ваша, товарищи красноармейцы. Спасибо за боевую службу, товарищи! («Служим Советскому Союзу!»)

Товарищи, наш славный командир генерал-майор Иван Васильевич Панфилов погиб смертью героя 18 ноября 1941 года в районе деревни Гусеново Московской области. Весь личный состав нашей дивизии, состоящий из многих национальностей, звал его каждый по-своему: русские — отцом, украинцы — батькой, казахи и киргизы — аксакалом, узбеки и уйгуры — дадой... Такое почтение не каждый генерал заслужил! Такой чести не каждый большевик удостоен...

Товарищи! Наш генерал погиб. Погиб как воин! Наш генерал завещал нам свято хранить боевые традиции нашей славной Красной Армии, быть верными своему воинскому долгу, верить в нашу победу над врагом!..

Я сам не был очевидцем гибели генерала Панфилова, а некоторые подробности после я узнал от Виталия Ивановича Маркова — начальника артиллерии нашей дивизии.

Марков был ближайшим помощником и другом генерала Панфилова. Он также часто навещал НП полков и батальонов, артиллерийских дивизионов и бата-

рей, опорные пункты обороны и противотанковые районы.

Как-то при очередной встрече, выбрав удобный момент, я попросил Маркова рассказать, при каких обстоятельствах погиб генерал Панфилов.

— Тогда обстановка была очень тяжелой: противник жал нас со всех сторон. Вы посмотрите на эту карту,— Марков развернул передо мной большую склейку топографических карт.— Это его рабочая карта, которую он вел аккуратно. Я бы назвал ее географической повестью о наших боевых делах тех дней... Положение тогда складывалось так. На фронте панфиловцев немцы сосредоточили свои основные усилия — две пехотные и две танковые дивизии. Им удалось прорваться на трех участках. Они расширяли эти прорывы наращиванием ударов в сторону флангов, обходили наши опорные пункты, рвались в глубь обороны вдоль шоссе Волоколамск — Истра. Генерал Панфилов, его штаб, командиры полков с большим трудом успевали перебрасывать резервы на участки прорыва, выводить роты и батальоны из боя, организовывать оборону на новых рубежах.

— Была получена шифрограмма,— продолжал Виталий Иванович.— В ней говорилось: «Поистине героически дерутся бойцы командира Панфилова. При явном численном перевесе, в дни самых жестоких своих атак немцы могли продвигаться вперед только на полтора километра в сутки». Таково было содержание сообщения Совинформбюро.

— Это о нас так пишут? — спросил генерал шифровальщика.

— О нас, товарищ генерал.

— Фронт-то большой. Может быть, есть другой командир Панфилов?.. Во всяком случае до уточнения

не спешите объявлять, а газету через день все прочтут,— распорядился Панфилов.

А обстановка на фронте оставалась тяжелой и напряженной. Но у генерала было хорошее настроение. За недолгим ужином он шутил, называл нас не иначе, как гвардейцами.

Началась ночь, относительно спокойная, если не считать тревожных докладов с линии фронта, телефонных звонков, поздравлений высшего начальства и соседей. С поздравляющими Иван Васильевич говорил в шутливом тоне, называл командиров и комиссаров по имени-отчеству. «Как говорится, один в поле не воин. Благодаря соседской помощи мы удостоены гвардейского звания. Нам надо оправдать награду, мне сдается, что звание и ордена нам дали авансом... Надеюсь, что в ближайшее время и я буду иметь честь поздравить вас..» И все в таком духе. Но с передним краем он говорил уверенно и решительно. «Все делать так, как мы с вами договорились. Ничего не менять! Нет! Я не могу за ночь принимать несколько решений... Да; я делаю так потому, что этого требуют общие интересы. Всем приходится трудно. На соседа не жалуйся, а сумей с ним рука об руку работать. Дайте заявку, кое-чем поможем. Людей накормили? А как с эвакуацией раненых?»

Когда противник начал обстреливать дальнобойными Гусеново, генерал улыбнулся и сказал:

— Ну, теперь и немец решил нас поздравить.

— На рассвете,— продолжал рассказывать Марков,— я зашел к генералу. Он заканчивал бриться.

— Гвардеец всегда должен быть чисто выбритым,— сказал он шутя.— Только вот морщины никак не разглаживаются. Раз бойцы — гвардейцы, и командир должен быть молодцеватым. Хочется выглядеть

свежим огурчиком, но не получается... Вот уж и седина на висках поблескивает,— продолжал он с огорчением, рассматривая себя в зеркало.

Тут генерал рассмеялся и отставил зеркало.

— Виталий Иванович,— тепло обратился он ко мне,— я вам должен рассказать один довольно интересный случай. Вы должны знать о нем.

— Я вас слушаю, Иван Васильевич.

— У Елина я забрел как-то на передний край. Идем. В окопе скучилось целое отделение. Подошли, поздоровались. Я предложил бойцам сесть. Сам тоже сел, спрашиваю: «Как настроение, товарищи?» Все почему-то насупились, молчат. Я повторяю... Сержант, их командир отделения, поковырял носком сапога землю, потом поднял голову, испытующе посмотрел на меня и говорит:

— Коль вас, товарищ генерал, интересует наше настроение, разрешите доложить по-честному:

— Вот именно, докладывайте по-честному.

— Настроение, товарищ генерал, неважное!

— Почему?

— Надоело сидеть в окопе и ждать, откуда и когда стукнет фашист.

— Надоело, товарищ генерал,— вставляет другой боец.— Надоело оставлять позиции за позициями.

Тут Елин хотел было вмешаться:

— Вы что генералу...

Я его остановил жестом руки.

— Правильно, честно вы говорите, товарищи. Продолжайте, пожалуйста!

— Продолжать-то нечего, товарищ генерал,— смущенно говорит сержант,— если чего не так сказали, извините нас.

И все. Разговор прервался. Признаться, я чувствовал себя неловко. Я не спросил фамилии ни у сержанта, ни у красноармейца.

— Почему, Иван Васильевич?

— Опасался, как бы они не подумали, что их накажут... Я, Виталий Иванович, неопытный генерал. В генеральском звании воюю впервые, но я опытный рядовой, ефрейтор, младший унтер-офицер, фельдфебель первой империалистической войны, я опытный взводный и ротный командир гражданской войны. Против кого я только не воевал! Белополяки, Деникин, Врангель, Колчак, басмачи...— Но я немного отвлекся,— признался генерал,— хотя иногда не мешает оглянуться и подытожить пройденный путь... Красноармейцы, младшие командиры, командиры взводов и рот — это, я бы сказал, настоящие «производственники», труженики на поле боя. Ведь именно они и творят по-рабочему, по-крестьянски победу в ближнем бою. Именно от их сознательности, патриотического чувства, воинской стойкости и боевой страсти зависит претворение в жизнь общего замысла боя или операции, разработанной высшим командованием. Наше с вами счастье, Виталий Иванович, что наши бойцы — это крепкие, идейно вооруженные советские люди... Мы скоро перейдем в наступление. Значит, наступательный дух в нас сидит крепко. Наши неоднократные поражения не сломили этого духа! И это очень отрадно! Я хочу встретиться с тем сержантом и с тем красноармейцем в наступлении и спросить их: «Ну, как теперь, богатыри, себя чувствуете?»

Но тут генерал прервал свой рассказ и спохватился:

— Ох, чую, вот-вот должен начаться «гутен-морген». Пойдем-ка на наблюдательный пункт.

Когда мы вышли на улицу и направились на НП, начался обстрел. Навстречу нам шла саперная рота. Командир ее, капитан, скомандовал: «Смирно! Равнение направо!» Генерал принял рапорт капитана, поздоровался с бойцами:

— Здравствуйте, товарищи гвардейцы!

Бойцы ответили дружно.

— А теперь, товарищ капитан, ведите роту в расчлененном строю. Одно прямое попадание может наделать много неприятностей,— спокойно приказал Панфилов.

Мы отошли от этого места около полутораста метров. Недалеко бухнулась тяжелая мина. Панфилов, сделав два-три неровных шага, качнулся и упал. Когда я приподнял его, он посмотрел на меня и сказал: «Буду жить!» Больше он не произнес ни одного слова. Маленький осколок пробил его сердце... Смерть генерала Панфилова была проста, как прост был он сам, этот простой русский человек,— грустно сказал Марков.— Ну, а что было потом, вы знаете из газет.

Марков закончил свой рассказ.

Член Военного Совета армии генерал А. А. Лобачев в своих мемуарах свидетельствует:

«Располагая крупными танковыми силами, противник сумел вклиниться в глубину обороны 316-й дивизии, но за первые три дня, с 16 по 18 ноября, продвинулся всего на 5—6 километров. Бойцы научились бороться с вражескими танками. 28-я танковая бригада, действуя из засад в районе Истринского водохранилища, в течение двух дней уничтожила четырнадцать танков, до батальона пехоты, девять минометов и пять орудий. Наши части лишили танковые войска противника возможности пользоваться шоссейными

дорогами, что замедляло продвижение ударных группировок.

Наступающие против левого крыла нашей армии дивизии противника заняли рубеж Лысцево, Ядрово, Большое Никольское, Иванцево и Шелканово.

Энергичными контратаками 316-й дивизии и кавалерийской группы Доватора продвижение немцев было приостановлено, но управление войсками армии в этот день нарушалось неоднократно.

Бои продолжались и на другой день. Уже наладили связь с частями, но на душе по-прежнему неспокойно. 3-я танковая группа противника развивала наступление на Клинско-солнечногорском направлении, а 4-я танковая группа рвалась на Новопетровское.

— Замысел противника,— размышляя над картой, говорил Рокоссовский,— ясен! Действия обеих танковых групп координированы. Они стремятся окружить нашу армию и тем самым открыть дорогу к Москве.

В это время московское радио передало Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении 316-й дивизии орденом Красного Знамени. Часом позже был получен приказ Ставки о переименовании 316-й дивизии в 8-ю гвардейскую.

— Поздравим их от Военного Совета, Константин Константинович,— предложил я.

— И без промедления!—согласился командарм.— Будем надеяться, что придет день, когда вся наша армия получит это почетное звание.

Написали короткое поздравительное письмо новым гвардейцам и отправили с нарочным.

В это же утро выехали из Устиновки, где находился КП, к Денькову. Воздух сотрясала несмолкаемая канонада. За Деньковом между Язвищенскими болотами и Чисменой, черно от дыма: горели деревни. Про-

тивник нажимал на участке, обороняемом 8-й гвардейской дивизией и корпусом Доватора. На командном пункте кавалеристов удалось уточнить обстановку.

— На правом фланге с гвардейцами связь потеряна. А левый сосед отошел к Новопетровскому. Наш участок похож сейчас на высунутый язык,— образно выразился Доватор.

— Как бы противник его не срезал!— заметил начальник штаба армии В. И. Казаков.

— Вот это меня и тревожит. У нас очень трудная обстановка.

— Танков добавим.

Тут же по телефону В. И. Казаков связался со штабом армии и дал указание немедленно направить в распоряжение Доватора батальон «Т-34».

— Надо держаться, Лев Михайлович, пока не придет помощь.

— Будем держаться,— твердо заявил Доватор.

Тут же решили с Казаковым двинуться на передовую — к деревне Покровское. По растерянным лицам и неточным ответам встречных бойцов поняли, что в Покровском неблагополучно.

На западных подступах к деревне шел бой. В двухстах метрах от деревни остановили машину, увидев бежавшего навстречу бойца.

— Что случилось?

— Танки смяли. В деревне немцы...

Свернули в Чисменский лес. На опушке встретили полковника Плиева, командира кавалерийской дивизии. Казаков спросил о положении дел.

— Только что разведка донесла,— сообщил он,— немецкие танки прорвались к Денькову.

— Денькову? Это шесть километров от штаба армии.

— Есть непроверенные данные, что в Новопокровском тоже немцы,— сказал Плиев.

Но в Новопокровском немцев еще не было. Мы свободно миновали Устиновку. Штаб уже выехал и для связи в деревне остался делегат. Он сообщил, что КП армии находится в Спас-Нудоле.

Рокоссовский и Малинин решили перенести КП на север от Новопетровского, чтобы быть в центре войск.

Первое, что я услышал в штабе армии,— убит Панфилов... Не верилось. Может быть, только ранен Иван Васильевич?.. Славный комдив, герой! Ведь только утром послали ему поздравление.

Я позвонил в дивизию. На КП оказался представитель политотдела армии М. С. Рутэс. Он сказал, что Панфилов убит при обстреле Гусенова.

Утром у Ивана Васильевича было прекрасное настроение. Когда пришло приветствие от Военного Совета армии, он позвонил начальнику политотдела Галушко и предложил довести до сведения личного состава радостную весть. Приехал фотокорреспондент «Правды» Михаил Калашников. Он сфотографировал новых гвардейцев. Панфилов подошел к зеркалу и, рассматривая себя, произнес: «Ну что ж, еще повоюем, оправдаем гвардейское звание».

Днем противник вел обстрел Гусенова, видимо, зная, что где-то поблизости КП дивизии. Надо было перенести командный пункт: враг близко, фашистские танки ведут огонь прямой наводкой. Начальник штаба приказал оборудовать в лесу щели. Приготовили стереотрубу, телефоны. Но Панфилов и слушать не хотел о переноске КП в более безопасное место. Начался новый обстрел. Изба закачалась, вылетели стекла.

— С гвардейским званием поздравляют,— пошутил Иван Васильевич и вышел на крыльцо. В нескольких метрах разорвалась мина. Генерал упал, схватился за сердце.

Из родных Ивана Васильевича провожала в последний путь дочь — медицинская сестра.

Валя Панфилова, молоденькая восемнадцатилетняя девушка, темноволосая, в солдатском полушубке, стояла у гроба отца рядом с его боевыми товарищами. Я сказал ей:

— А теперь, Валя, вам лучше поехать домой.

— Нет, я останусь на фронте.

— А как же мама?

— Мама? Она поймет...

Я обнял мужественную девушку и подумал: хорошую дочь воспитал генерал Панфилов!

Целый день мысль о безвременной гибели Панфилова не давала мне покоя. Ведь всю душу Иван Васильевич отдал дивизии, воспитывая в боях храбрых, богатых на выдумку, щедрых на новизну в военном искусстве людей, таких, каким он был сам. Эти панфиловские черты должны жить.

— Константин Константинович! Не поставить ли нам вопрос о присвоении дивизии имени Панфилова?

Командарм молча смотрит на меня, потом отвечает:

— Славный генерал был Иван Васильевич. Он заслужил, чтобы дивизию назвали его именем. Поговори, комиссар, с кем надо.

Я позвонил в Главное Политическое управление. Оказалось, что с ходатайством в правительство могут войти непосредственно военные советы фронта и армии. Нет сомнения, что нашу просьбу поддержат перед Государственным Комитетом Обороны. Письмо написа-

но. Ответ пришел скоро, и именно такой, какого ждали: «Удовлетворить просьбу Военного Совета Западного фронта и Военного Совета 16-й армии о присвоении 8-й гвардейской стрелковой дивизии имени генерал-майора Панфилова И. В.».

Новый комдив Ревякин недолго продержался в 8-й гвардейской. Я знал его раньше. Это был внешне подтянутый, но на самом деле далеко не блестящий командир, полагающийся только на свое высокое звание. Однако высокие чины никому в боях не помогали!

Как легко вздохнула дивизия, когда Ревякина сменил Иван Михайлович Чистяков! Он очень тонко сумел понять живую душу 8-й гвардейской, где бойцы и командиры гордились своими традициями и любили Панфилова, как родного отца.

21 ноября 1941 года газета «Красная Звезда» писала:

«Смертью героя погиб генерал-майор Панфилов. Гвардейская дивизия потеряла своего славного командира. Красная Армия лишилась опытного и храброго военачальника. В боях с немецкими оккупантами его воинский талант и уменье сослужили немалую службу Отечеству.

Имя Панфилова неотделимо от боевой чести дивизии, которой он командовал. Она бесстрашно дралась с врагом, вписав блестящие страницы в еще не законченную летопись нашей Отечественной войны против гитлеровской Германии. Дивизия никогда не ожидала ударов врага. Она сама бросалась на неприятеля, закрывала своей могучей грудью путь фашистским ордам.

Всюду, где появлялась дивизия, она наводила ужас на немцев. Генерал Панфилов быстро изучил враже-

скую тактику и нашел меры противодействия ей. Он понимал всю ответственность перед Родиной и делал все, чтобы оказаться на высоте своего воинского долга. Он никогда не выпускал из рук управления своей частью, действовал смело, решительно и вел своих бойцов дорогой побед. И Красная Армия знает, что дивизия генерала Панфилова была одной из тех наших дивизий, которые с наибольшей мощью сорвали расчеты злобного врага на «молниеносную» войну против Советского Союза.

В груди Панфилова билось сердце стойкого русского человека, презирающего смерть во имя победы. Он отдал всего себя великой освободительной миссии Красной Армии, несущей гибель и разгром германскому фашизму.

Имя Панфилова известно не только нашей стране, но и ее врагам. Хваленые немецкие генералы произносили это имя со скрежетом зубовным. Их войска не раз бегали от дивизии Панфилова, теряя вооружение, амуницию и знамена. Родина знала: там, где стоит дивизия, враг не пройдет. Он был верным сыном партии и одним из самых мужественных воинов Красной Армии. Тремя орденами Красного Знамени наградила его страна.

Среди героев всенародной Отечественной войны генерал Панфилов займет одно из самых почетных мест. Действия его дивизии будут пристально изучаться военными, а сам он живет в воспоминаниях боевых соратников и никогда не умрет.

Четверть века в строю! Панфилов прошел путь от солдата царской службы до генерала Красной Армии. В его биографии две больших войны: одна — в начале военной работы, вторая — в конце, и обе — с нем-

цами. Жизнь бросила Панфилова солдатом в окопы первой империалистической войны, ковала из него полководца. И выковала упорного, решительного воина, богатого на выдумку и щедрого на новизну в военном искусстве. Маневр и огонь были его родной стихией на поле боя.

Иван Васильевич Панфилов был отцом для бойцов. Они любили его той сильной и мужественной любовью, которая возникает в огне сражений, когда генерал делит опасность с красноармейцами, своим воинским умением добывает желанную победу. Они готовы были идти за ним в огонь и в воду. И шли повсюду — неустрашимые, отважные.

Погиб генерал гвардии Панфилов. Память о нем никогда не умрет в сердцах славных гвардейцев и всех воинов Красной Армии. Он воспитал красноармейцев и командиров своей дивизии, способных выполнять задачу разгрома немецких захватчиков. В суровых боях они жестоко отомстят врагу за смерть любимого генерала».

Этот некролог был подписан командованием Западного фронта, 16-й армии, командирами и комиссарами частей.

И далее газета писала:

«Все так же гремели орудия и, ударяясь о мерзлую землю, с треском рвались немецкие мины. В заснеженных окопах, в лощинах лежали бойцы, готовые в любую минуту ринуться на врага. На командном пункте дивизии, как и всегда, заунывно шумел зуммер. Но тот, кто на протяжении двух месяцев водил дивизию в бой, больше не поднимал телефонной трубки. Не слышно было твердого и уверенного голоса генерал-майора Панфилова.

... Вчера в Москве, в зале Центрального Дома Красной Армии, на высоком постаменте был установлен гроб с телом генерал-майора Панфилова. На гроб возложены венки... Три знамени в крепе стояли у его изголовья... На алых подушках — ордена и медали... Звучит траурная музыка... В почетном карауле генералы, солдаты... Гроб выносят на улицу. Эскадрон кавалерии с шашками наголо, ровные ряды пехоты встречают тело генерала, павшего на своем боевом посту. Длинный траурный эскорт медленно движется по Москве.

... Уже смеркалось, когда тело героя было предано кремации. Склонив свои боевые знамена, Красная Армия прощалась с героем Отечественной войны, отважным генералом гвардии, отдавшим свою жизнь за Родину, честь и свободу Родины.

Сегодня гвардейцы Панфилова снова в бою. На их знаменах начертано: «Отстоять родную столицу, отомстить врагу за гибель своего генерала!..»

В своем соболезновании бойцам, командирам и политработникам 8-й гвардейской дивизии от имени Военного Совета Армии Рокоссовский и Лобачев писали:

«Дорогие друзья!»

В дни тяжелых испытаний вы понесли большую утрату — смертью храбрых на поле боя пал ваш командир.

Это тяжелая утрата, но враги просчитались, она не внесла в ваши ряды паники, а заставила еще крепче сплотиться на беспощадную борьбу с ненавистным врагом. За смерть командира немецкие банды должны будут заплатить тысячами своих жизней. Отомстим немецким захватчикам и убийцам, уничтожим ядовитую гадину!

Пусть светлая память вашего командира останется навсегда в ваших сердцах и будет служить источником еще большей ненависти к злобному врагу.

Смерть за смерть! Кровь за кровь!»

Военный Совет Западного фронта, представляя И. В. Панфилова к правительственной награде, писал:

«В борьбе с немецкими захватчиками на подступах к Москве дивизия вела ожесточенные бои с превосходящими в четыре раза силами противника. При самых трудных условиях боевой обстановки т. Панфилов всегда сохранял руководство и управление частями. Ведя беспрерывные бои на подступах к Москве в течение месяца, части дивизии не только удерживали свои позиции, но и стремительными контратаками разгромили 2 танковую, 29 моторизованную, 11 и 110 пехотные дивизии»...

Со всех концов страны в адрес командования дивизии и семьи И. В. Панфилова шли беспрерывным потоком как поздравительные письма и телеграммы, так и искренние соболезнования. Только на войне подвиг и смерть, радость и горе идут всегда рядом.

Да, боевой панфиловский дух остался с нами навсегда, как традиция упорства и стойкости в борьбе с врагом, как боевое наследие.

К чести Казахстана и Киргизии панфиловская дивизия своими боевыми делами заслуженно прославилась в боях под Москвой, как особо отличившееся соединение. Командир дивизии генерал Панфилов Иван Васильевич отдал свою жизнь за Отечество и вошел в историю как народный герой. С его именем связаны ратные боевые дела, массовый героизм бойцов, командиров и политработников дивизии, с его именем свя-

заны славные боевые традиции, которые приумножились в последующих сражениях достойными боевыми наследниками.

Наш советский народ всегда гордился и гордится своими славными военными традициями. Благородная воинская традиция — это не мертвая реликвия прошлого, а боевое могучее оружие, выкованное и отточенное для великих битв настоящего и будущего.

«Слава и честь моей дивизии, моего полка — это моя сила, слава и честь» — такова вечно живая воинская традиция.

Нам понятны чувства людей, говорящих: «Я чапаевец», «Я таманец», «Я воевал под командой Котовского». Так говорили наши отцы и старшие братья — участники гражданской войны. «Я из группы Доватора», «Я из танковой бригады Катукова»,— с сознанием своего достоинства говорили наши боевые соседи в те тяжелые дни битв под Москвой. «Я панфиловец»,— отвечали наши бойцы и офицеры с гордостью. Слово «панфиловец» стало символом отваги и уважения и ко многому обязывало тех, кто носил это имя.

Панфиловская традиция жила, панфиловская дивизия воевала.

Морозное утро 6 декабря 1941 года. Огневые вспышки озаряют горизонт, слышится глубокий, грозный и протяжный вздох земли — гул артиллерийской канонады. Над Крюковом все трещит, грохочет, дымится. Сверкают огни за огнями, как частые удары грозовых молний.

Мы воюем уже шесть месяцев, но такую мощную и грозную канонаду слышим впервые. Артиллерия рвет, ломает, разрушает. На наших глазах все летит

в воздух. С востока под аккомпанемент канонады медленно встает заря, затем на горизонте показывается громадный багровый диск солнца. А артиллерия, как бы играя торжественно-грозный встречный марш, все долбит, долбит!

Вот раскатами удаляющегося грома огонь переносится в глубь вражеской обороны. Взвивается несколько красных ракет — цепь пехоты подымается и с криком «ура!» бросается в атаку. Боевой клич атакующих прокатился на фронте от Калинина до Тулы.

Наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия перешла в контрнаступление.

... Развалины, дым, трупы в мышино-серых шинелях и пленные — унылые вражеские солдаты и офицеры... Вперед, только вперед! Без остановки! Вперед!

Разыгрался ветер. Он дует с востока, он гонит вихри снежной поземки, а красноармейцы гонят фашистов, неотступно преследуют их, как говорят казахи, наступая им на каблуки.

За полдень нас обогнали кавалерийские эскадроны на взмыленных конях. Скрежеща гусеницами, как громадные резвые жуки, промчались танки. Это вводились в бой кавалерийская группа Доватора и танковая бригада Катукова. Они быстро прошли через наши боевые порядки. Они вырвались вперед, а мы отстали от них. Мы завидовали им. Все-таки «пеший конному не товарищ»,— думал я, глядя им вслед.

Но настроение было очень хорошее. Мне вспомнились слова незабвенного Ивана Васильевича Панфилова о наступательном духе наших бойцов. «Я хочу

встретиться с тем сержантом и с тем красноармейцем в наступлении и спросить их: «Ну, как теперь, богатыри, себя чувствуете?»

Самочувствие очень хорошее, товарищ генерал!

Суровыми были те дни. За честь и свободу нашей Родины, за великое завоевание Октября шла битва с сильным, коварным врагом. Это была битва не на жизнь, а на смерть. Мы все сознавали — за нами Москва.

И мы победили!

21 к.